ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 73 (4198)

Вторник, 21 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

СЛОВО О БЕЗВЕСТНОМ ТРУБАЧЕ

Дневник писателя

С. С. СМИРНОВ

НА РАССВЕТЕ 22 июня 1941 года, когда первые залпы войны загремели над спящей Брестской крепостью, под развалинами казармы 44-го стрелкового полка был заживо погребен один из бойцов полкового музыкантского взвода.

Его не задавило, но, замурованный в каменной могиле, он был обречен — под бешеным огнем врага разбирать развалины было невозможно. И, наверно, сам он, юноша-музыкант, понял свою судьбу.

И тогда его товарищи, солдаты, укрывшиеся около этих развалин, услышали, как оттуда, из-под камней, зазвучала полковая труба. Сквозь грохот взрывов приглушенно, но отчетливо доносилась до них знакомая мелодия:

«Это есть наш последний
И решительный бой...»

Те, кто слышал эту подземную песню трубы, говорят, что в ней не было ни тоски, ни горечи прощания с жизнью. Она раздавалась как призыв и завещание о мести, она была как бы последним мужественным приветом друзьям по оружию. Она звучала опять и опять, пока снаряды и бомбы снова не обрушились на эти развалины...

Кто был он, этот безвестный трубач Брестской крепости? Мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. А ведь где-то — то ли в новом городском доме, то ли в русской избе, то ли в украинской или белорусской хатке, то ли в горской сакле — до сих пор со стены смотрит его молодое лицо на пожелтевшей фотографии. Только как узнаешь, в каком это доме, как среди миллионов таких давних фотографий угадаешь ту, на которой изображен именно он, наш трубач?

Мы были с ним людьми одного поколения, сынами одной эпохи, трудной и славной. В то первое утро войны, в последнее утро своей жизни, он был моим сверстником, может быть, даже ровесником. Но с тех пор мы, живые, прожили почти двадцать лет, а он остался молодым и теперь годится нам в сыновья.

В дни нашей с ним юности мы с завистью оглядывались назад, на героические дни революции и гражданской войны, и с затаенной тревогой всматривались вперед, в наше будущее, омраченное тенью надвигавшейся опасности. Мы пели тогда наш гимн чуть иначе, слегка меняя его слова:

«Это будет последний и решительный бой...»

Мы знали, что он будет, что нам не миновать его. И мы верили, что он будет последним.

Трубач играл на полковых смотрах, на парадах, на торжественных вечерах, и под его дыханием труба ясно выговаривала эти тревожные и бесстрашные, полные долга слова:

«Это будет последний...»

Этот бой настал, и трубач пал в нем одним из первых. И когда из каменной могилы он в последний раз заиграл наш гимн, напев трубы принес с собой уже иные, не те, что прежде, слова:

«Это есть наш последний...»

Он не заглох под камнями крепости, этот напев трубы. Его как бы подхватила вся страна — в тот день во всех ее уголках полные возмущения и гнева люди, собравшись на митинги, пели:

«Это есть наш последний...»

Потом мы пели это под Москвой и в Сталинграде, на Буге и на Днепре, на Дунае и на Шпрее, в партизанских лесах и в фашистских лагерях смерти. Мы пели это в памятный день нашей Победы, в сумасшедшей радости паля в свободное голубое небо, торопясь истратить оставшиеся патроны, которые — мы верили — уже никогда не понадобятся человеку против человека, не пригодятся ни нам, ни нашим детям. И хотя мы не знали тогда о безвестном трубаче Брестской крепости, он был с нами, как и все, кого уже не было, в тот день, первый день мира и светлых надежд.

И вот прошли годы. Поросли травой крепостные развалины, где под камнями, быть может, до сих пор лежат кости трубача рядом со смятой, ржавой трубой. Встали новые города, села, заводы, первые ракетные корабли унеслись за пределы планеты. С новым упорством строят люди свое земное хозяйство, и новые поколения берут в свои руки жизнь.

Но опять, как встарь, веет над землей недобрый ветер, опять с тоской и тревогой смотрят вперед люди мира и труда.

Неужели он ошибся, безвестный трубач Брестской крепости? Неужели это не был последний?..

Нет, этого не должно случиться! Разум и сердце, опыт и вера человека — все восстает против этого. Сейчас иные времена, иные силы мира. Ведь недаром все шире и свободней, как отзвук той военной трубы, раздается по земле знакомый напев:

«Это есть наш последний...»

Он вольно звучит на просторах наших братских стран, ему вторит шаг демонстрантов на улицах Парижа и Нью-Йорка, он грозно гремит сегодня на улицах Токио, у стен осажденного народом парламента.

Мир борется, мир побеждает и победит. И когда наступит день его полной победы и в мартенах начнут оплывать, превращаясь в мирную сталь, железные уставы навсегда мертвой войны, люди, наверно, прежде всего будут ставить памятники павшим за мир героям. Пусть тогда на развалинах Брестской крепости, среди старых ее кирпичей цвета запекшейся крови, на том месте, где была казарма 44-го стрелкового полка, создадут памятник безвестному трубачу.

Мне почему-то представляется, что автором этого памятника станет совсем молодой скульптор и что дома у него на стене под стеклом будет висеть старый, пожелтевший портрет молодого солдата — его отца, не вернувшегося с войны. И сам памятник, высеченный из белого мрамора, будет изображать такого же молодого солдата.

Вырываясь из белой глыбы, в последнем усилии он подпер широкими плечами тяжелый каменный свод. А в его руке — прижатая к губам, поднятая вверх труба.

И такой выразительной силы будет полна фигура бойца, таким будет его лицо, что при взгляде на него каждый сразу поймет, что играет трубач. Властью искусства художник заставит зазвучать в ушах зрителя знакомый напев, приносящий с собой знакомые слова. Но слова эти будут уже иными:

«Это был наш последний...»

Во имя отданных жизней, во имя пролитой крови, пережитых страданий и бед, во имя прошлого и во имя будущего ДА БУДЕТ ТАК!

19 июня в Бухаресте состоялось торжественное открытие советской выставки. На церемонии открытия выставки присутствовали делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым, руководящие деятели Румынской рабочей партии и правительства РНР, руководители братских партий стран социалистического лагеря. Фото Аджерпресс. (Снимок принят по фототелеграфу ТАСС)

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Харалamб ЗИНКЭ,
румынский писатель

ВОЛНУЮЩИЕ дни переживает моя родина. Взоры всего народа обращены к Бухаресту, где в новом Зале съездов начал свою работу III съезд Румынской рабочей партии. С энтузиазмом встретила страна это историческое событие. Оно приобрело тем большее значение, что на съезд прибыли делегации коммунистических и рабочих партий всех континентов, делегация славной КПСС во главе с неутомимым борцом за мир во всем мире Никитой Сергеевичем Хрущевым.

...Я вижу в зале моих собратьев — крупнейших писателей Румынии во главе с М. Бенюком, первым секретарем правления Союза писателей Румынской Народной Республики, ученых, деятелей культуры, прославленных передовиков промышленности и сельского хозяйства.

Вот юный Герой Социалистического Труда сталевар Штефан Крипша из Хунедоары. Лишь недавно он рассказывал мне, как благодарен он сталеварам завода «Запорожсталь», у которых четыре месяца учился новейшим метсдам работы... Вчера металлурги Хунедоары, коммунисты которой послали на съезд своим делегатом Штефана Крипшу, рапортовали партии, что план первого полугодия выполнен на 13 дней раньше срока.

Впрочем, все газеты пестрят в эти дни такими рапортами. Они начинаются словами: «С радостью сообщаем любимой партии, что все обязательства перевыполнены».

Среди участников съезда я вижу и другого Героя Социалистического Труда — Илие Трандафиреску, посланника тракторостроителей города Сталина. Я не раз писал о нем и хорошо знаю этого скромного труженика — одного из тех, кто создал первый румынский трактор. Сейчас согласно проекту директив III съезда тракторный завод имени Э. Тельмана, на котором работает делегат И. Трандафиреску, должен дать до 1965 года 100 тысяч мощных тракторов!..

В зале торжественная тишина... Взоры всех обращены к сцене, где видны огромные портреты великих учителей мирового пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина...

III съезд РРП открыт. Первый секретарь ЦК РРП тов. Георге Георгиу-Деж представил делегатам, всей стране отчет ЦК партии, проект перспективного народнохозяйственного плана на 15 лет и плана развития народного хозяйства на 1960—1965 годы, величественную программу завершения строительства социализма на земле Румынии. Мы счастливы быть свидетелями работы съезда, о котором наш крупнейший поэт Михай Бенюк сказал:

— Это съезд лучших представителей трудящихся нашей страны, тех, кто мобилизует творческие силы народа, кто построит наше будущее — коммунизм!

БУХАРЕСТ, 20 июня. (По телефону).

ЗАСЕДАЮЩИЙ ПРОСИТ ПОЩАДЫ

Камил ФАЙЗУЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НЕДАВНО в Свердловске мне довелось попроситься на ночлег в «Большой Урал» — крупнейшую гостиницу города.

Администратор встретила меня категорическим вопросом:

— Вы по какому списку? Сварщиков, глухонемых или медиков?

— Не понимаю вас...

— Короче, вы на какое совещание?

— Я не на совещание... Просто в командировку.

— У нас в гостинице места только по списку... Для делегатов.

— А быть может, все-таки завтра что-нибудь освободится?

— Я же вам сказала, у нас только для делегатов... На два месяца вперед все места расписаны по совещаниям.

Я с тоской оглядел огромный гостиничный вестибюль. У столиков шла бойкая регистрация медиков, сварщиков, лесников, кооператоров, делегатов еще каких-то слетов, совещаний и конференций.

И надо же было мне приехать в Свердловск именно в тот момент, когда здесь, видимо, по случайному стечению обстоятельств проводилось одновременно несколько областных совещаний!

— Замучили нас эти заседатели,— пожаловался руководитель гостиницы.—Только за последнюю неделю тысяча четыреста делегатов! А гостиница наша, заметьте, всего на шестьсот мест рассчитана. Беда с этими совещаниями, просто беда! Уральский Дом техники заседает. Работники профсоюза торговли заседают. Общество глухонемых заседает. Сварщики, животноводы, пищевики, учителя и опять же совнархозовцы — заседают. Вот, можете полюбопытствовать — списочек. В январе проживало две тысячи двести заседателей, в феврале столько же, а в марте и апреле и того больше. Короче говоря, за четыре с половиной месяца пропустили мы двенадцать тысяч делегатов более ста различных областных совещаний.

Вот и вертимся, словно белка в колесе. А скажите на милость, нужно ли столько совещаний?..

У меня не было времени выяснить этот вопрос. Во-первых, надо было разыскать место для ночлега, а во-вторых, я спешил встретиться с главным конструктором Уралмашзавода Георгием Лукичом Химичем — знаменитым на Урале человеком, Героем Социалистического Труда, ученым и государственным деятелем. Позвонил конструктору.

— Извините, но сейчас принять вас никак не могу, — сказал Георгий Лукич. — Через десять минут у нас начинается «оперативка» по качеству.

— Тогда, может быть, встретимся позднее?

— К сожалению, ничего не получится. К трем часам вызывают на совещание в совнархоз.

— А если вечером?

— Вот ведь не знаю, что и делать. Вечером у меня заседание научно-технического общества, и мне, как председателю, сами понимаете, быть там надо непременно.

— Перенесем тогда, может быть, встречу на завтра?

— Это, пожалуй, будет лучше. Только одну минутку — погляжу, что там у меня на завтра записано... Так, так... Значит, в десять совещание у главного инженера... Сессия райсовета... Уральская конференция по сварке... Вот если бы вы смогли прийти на эту конференцию. Там в перерыве и потолкуем...

На следующий день на конференции сварщиков я разыскал конструктора.

— Пойдемте отсюда! — с нескрываемым раздражением сказал Георгий Лукич, и когда мы выбрались из переполненного зала, добавил: — Вот вы, корреспондент, взяли бы да написали об этом.

— О чем?

— О бесконечных совещаниях! Извините за грубое слово, о болтовне нашей!

Конструктор был настроен воинственно. Он говорил горячо и взволнованно. Чувствовалось, вопрос этот наболел и давно не давал покоя.

— Понимаете, какая штука, — начал Георгий Лукич. — Не так мы все это делаем, не так! Не разумно! Взять, к примеру, эту же конференцию по сварке. Дело, безусловно, важное, и разговор о нем нужен. А вот такой ли разговор нужен, — я не уверен. Ведь что получается? Собрали со всего Урала, со всей страны специалистов по сварке, попросили от работы уйму людей и читают им доклады. А польза? Польза для дела какова?.. Я бы, например, отпечатал бы эти самые доклады и разослал их сварщикам — пусть знакомятся, читают, кому интересно. А еще лучше, отобрал бы несколько сварщиков и послал их по заводам, пусть непосредственно на производстве делятся передовым опытом. А здесь разговоров много, а пользы для дела, честно скажем, маловато...

И заседать-то мы по-человечески не научились! Любое, даже самое маленькое совещание организовывать надо разумно. Человек должен заранее получить доклад, заранее знать, о чем будет идти речь на совещании, и приходить туда со своим обдуманным мнением. Тогда люди не будут повторять, пересказывать общеизвестные истины. Не умеем мы еще так работать. Болтаем, и страшно подумать, сколько еще драгоценного рабочего времени мы гробим! Вы, наверно, обратили внимание, как точно мы всегда оповещаем людей о времени начала того или иного собрания? А вот сколько оно продлится, когда кончится, мы почему-то не объявляем. Стесняемся! Нет у нас еще настоящей культуры в этом деле, нет!

А ведь можно заседать и коротко, и с пользой для дела...

В связи с этим Георгий Лукич вспомнил заседание Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники.

— Нам предстояло обсудить около ста пятидесяти научных трудов. Работа большая. Но уже вначале Александр Николаевич Несмеянов попросил всех отказаться от ненужной болтологии и по каждой работе требовал только конкретных замечаний или возражений. И всю работу, которая при заседаниях по обычным рецептам отняла бы у нас несколько месяцев, мы завершили за шестнадцать часов.

— Судя по всему, у вас к совещаниям особое отношение, — заметил я. — Они, видимо, вам изрядно мешают?

— Мешают?! — грустно усмехнулся конструктор. — Нет, мой друг, это не то слово. Терзают! Жить не дают!.. Хотите на чистоту?

— Конечно.

— Хорошо. Чем, вы полагаете, заполнена трудовая неделя главного конструктора? Любой на этот вопрос ответит: конечно, конструированием, расчетами... Ничего подобного!.. Совещаниями! А теперь давайте считать. Четыре часа в неделю отнимает у меня заводская «оперативка» по качеству. Еще четыре часа еженедельная оперативка у директора и столько же еженедельное совещание у главного инженера

(Окончание на 2-й стр.)

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

ВЧЕРА советская столица радушно встречала высокого гостя — Президента Республики Индии доктора Раджендра Прасада, прибывшего в СССР с визитом доброй воли.

Доктор Раджендра Прасад — один из ветеранов национально-освободительного движения Индии.

С 1917 г. Р. Прасад является одним из ближайших сподвижников Махатма Ганди. Никакие преследования колониальных властей не помешали доктору Раджендру Прасаду находиться в самой гуще острой политической борьбы Индии в годы иноземного владычества. Раджендра Прасад становится одним из руководящих деятелей партии Индийский национальный конгресс.

Советским людям известна и многосторонняя неустанная деятельность доктора Прасада после завоевания Индией независимости. 26 января 1950 года он был избран временным Президентом, а 6 мая 1952 года — Президентом Республики Индии.

Раджендра Прасада знают в СССР как государственного деятеля, который неоднократно выступал за укрепление индо-советского сотрудничества, высоко оценивал усилия Советского правительства, направленные на разрядку международной напряженности и сохранение мира во всем мире.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ТВАРДОВСКОГО А. Т. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и отмечая выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, наградить писателя **Твардовского** Александра Трифоновича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, Кремль 20 июня 1960 г.

«СЪЕЗД БУДЕТ НАШИМ ПРАЗДНИКОМ»

Беседа с председателем оргкомитета Союза художников РСФСР В. А. СЕРОВЫМ

СЕГОДНЯ в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открывается Первый съезд художников Российской Федерации. Какая подготовительная работа предшествовала ему, о чем пойдет разговор на съезде? С этими вопросами корреспондент «Литературной газеты» обратился к председателю оргкомитета Союза художников РСФСР Владимиру Александровичу Серову.

— За два с половиной года существования организационного комитета, — сказал В. Серов, — молодой творческий союз художников России вырос в очень солидную и крепкую организацию. Назову такие цифры: союз насчитывает сейчас в своих рядах 5 335 человек, и на первый съезд съехались 483 делегата, которые представляют шестьдесят одно отделение. Это не только многочисленный, но, повторяю, и очень крепкий творческий коллектив. Единство, монолитность союза особенно ярко проявились в организации выставки «Советская Россия». Эта выставка, встретившая большое признание у любителей изобразительного искусства нашей страны, и была, собственно, задумана как платформа для еще большего сплочения творческих рядов художников Советской России. Выставка очень наглядно показала, что главное место в творчестве художников Российской Федерации занимают темы нашей замечательной современности, что плодотворный метод социалистического реализма успешно развивается нашими художниками. Выставка выдвинула в ряд мастеров много молодых живописцев, графиков, скульпторов. Всем нам очень радостно, что ее посетили руководители партии и правительства.

Нельзя не упомянуть еще и о таком важном этапе в подготовке к съезду, как прошедшая недавно неделя изобразительного искусства Российской Федерации. Она убедительно показала, насколько велик интерес у народа к творчеству своих художников, подсказала много новых конкретных форм ознакомления широких масс с достижениями современного изобразительного искусства.

Стоит также отметить хорошее начало работы нашего молодого издательства «Художник РСФСР», усилия которого в пропаганде изобразительного искусства трудно переоценить, и особенно журнала «Художник». К сожалению, мы еще не можем полностью удовлетворить спрос на наш журнал.

Теперь собственно о съезде. На его повестке стоят два вопроса: обсуждение доклада «Жизнь народа — источник творчества советских художников» и выборы руководящих органов союза.

Трудно предвосхитить сейчас, какие проблемы будут подняты в дни съезда,— это покажут прения. Но я уверен, что работа будет содержательной, плодотворной. Думается, что на нашем первом съезде разговор пойдет главным образом о путях искусства социалистического реализма, о партийности в изобразительном искусстве, о современной художественной форме, новаторстве и т. п.

Мировое изобразительное искусство раскололось на два противостоящих лагеря. Буржуазное искусство подошло к своему логическому концу — совершенно явному вырождению, которое особенно проявляется в современном абстракционизме. Но буржуазная идеология в искусстве не хочет сдавать своих позиций, цепляется за них и даже пытается иногда совершать диверсии в нашем лагере. Вероятно, и эти вопросы найдут отражение на съезде.

Съезд, который открывается сегодня в Кремле, будет большим праздником для художников Российской Федерации, несомненно, явится важным событием в культурной жизни страны.

РИСУНКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Гитлер: Давай скорей сюда западные подпорки, они там не нужны.

Художники Кукрыниксы. (Карикатура печатается впервые)

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ — 50 ЛЕТ

Дорогой Александр Трифонович!

Правление Союза писателей СССР в день Вашего пятидесятилетия горячо приветствует и сердечно поздравляет Вас — крупнейшего русского поэта, выдающегося мастера советской поэзии, славного и яркого представителя литературы социалистического реализма.

Миллионы читателей в нашей стране и за рубежом знают и любят Вас — страстного выразителя вдохновенных стремлений и дум советских людей, строящих коммунизм, истинно народного певца, чей блестящий самобытный талант целиком отдан служению Советской Родине, ее трудам и борьбе за счастье всего человечества.

Кровно связано все Ваше творчество с жизнью родного народа, и, как у подлинно большого художника, живая современность, кипучий мир народных дел и свершений всегда служат основой Ваших замечательных произведений. Бурный рост освобожденного революцией человека труда, величайшие социалистические преобразования в советской деревне воплотились в чудесных Ваших стихах «Сельская хроника» и поэме «Страна Муравия». Богатырский подвиг советского народа, кровью и ратным трудом отстоявшего мир от фашистского порабощения, с огромной силой запечатлен в великолепной «книге про бойца» —«Василий Теркин» и в поэме «Дом у дороги». Победоносный созидательный труд советских людей в послевоенное время, новые большие перемены в жизни народа и новые горизонты на пути его движения к коммунизму волнующе отразились в последнем Вашем произведении эпического размаха и лирического напряжения — поэме «За далью — даль».

Ярко национальный поэт, Вы с особой чуткостью и уменьем присуете в своих образах и героях неистощимое жизнелюбие и оптимизм русского советского человека, все лучшие черты его национального характера, обогащенные советской идейностью, чувством советского, социалистического гуманизма, интернациональной солидарностью со всеми народами.

Ваше творчество, пронизанное духом и плотью народной жизни, — живой пример новаторского продолжения и развития высоких художественных традиций русской классической поэзии. Вы один из тех взыскательных современных мастеров слова, что в наше время стоят на уровне больших идейных раздумий и художественного совершенства, свойственных классической русской литературе. Ваши поэмы, содержащие глубокие художественные обобщения событий и явлений нашей действительности, Ваш чеканный, прозрачно ясный стих, впитавший искрометное богатство русского народного языка, — образец законченного мастерства и неповторимого художественного своеобразия.

Ваше имя крупнейшего русского советского поэта-коммуниста особенно уважаемо и потому, что творческую работу Вы сочетаете с широкой государственной и общественной деятельностью как депутат Верховного Совета РСФСР, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир», член правления Союза писателей Российской Федерации. Собственным примером мастерского творчества, высоких художнических требований к себе и собратьям по перу, повседневной работой с молодыми литераторами Вы активно способствуете важнейшему делу роста и воспитания писательских кадров.

Славное свое пятидесятилетие Вы встречаете в полном расцвете своего таланта, его поэтической и гражданской зрелости. Мы гордимся, Александр Трифонович, что Вы — наш современник, горячо обнимаем Вас, наш дорогой соратник и друг, и от всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых, еще больших творческих побед и свершений на благо нашей родной советской литературы!

СУДЬБА ГЕРОЕВ

ГДЕ только не успели мы побывать с режиссером Львом Даниловым и его друзьями за тридцать коротких минут, — в Алма-Ате и в Свердловске, городе Рудне у Смоленска, за Полярным кругом в завьюженном поселке Салемал и совсем на другом краю советской земли — под пальмами Очамчире. И куда бы ни увел нас с собой на эти полчаса маленький коллектив авторов фильма, всюду мы встречали людей, которых давно знаем и любим, чьи имена много лет назад мы повторяли друг другу, перечитывая сводки Совинформбюро.

Это фильм о судьбах тех, кто водрузил знамя Победы. Так он и называется. Где же вы сегодня, герои штурма Берлина, куда увели вас дороги мирного труда?

«...Давно мы дома не были» — поет солдатская гармонь. Давно ли? — спрашивает молодых солдат их случайный сосед по купе. Песня военных лет воскресила прошлое, о многом напомнила Михаилу Егорову. Ожили воспоминания пятнадцатилетней давности... Последние дни войны, последние часы Берлина. Кинолетопись тех дней сохранила подвиг человека, которого так легко узнать в этом всем знакомом кадре — на фоне заката, в дыму пожарищ, на куполе мрачного здания двое смельчаков стараются как можно надежнее, крепче прикрепить знамя Победы. Один из них Михаил Егоров, второй — Мелитон Кантария. Сейчас Егоров едет в Рудню. Здесь он давно уже работает на консервном комбинате. В белых халатах шагают рядом с ним по цеху его спутники по купе.

— Присматривайтесь, ребята, выбирайте себе работу по душе, ведь скоро предстоит сокращение армии. Приезжайте к нам, в Рудню.

...Черноморская волна бьет о берег. Бригада плотников-арматурщиков наступает на море — строит неприступную для стихии дамбу. Во главе сильных молодых ребят друг Егорова — Кантария — тоже Герой Советского Союза. В четвертый раз избирают Кантария депутатом Верховного Совета Грузии.

В Ямало-Ненецком национальном округе есть поселок Салемал. Здесь живет Василий Давыдов, бывший майор. Это он ворвался с батальоном в рейхстаг. Теперь его беспокоят дела рыбацкого колхоза.

А где же его давний товарищ, Герой Советского Союза комбат Степан Неустроев? Он продолжает служить в Советской Армии, и мы видим его за работой — он завершает книгу воспоминаний «Штурм и падение рейхстага». В преподавателе Института инженеров железнодорожного транспорта Константине Самсонове трудно узнать сейчас знаменитого комбата.

Мы видели в фильме кадры, снятые в дни памятного штурма. Их много, но один особенно привлекает внимание: на ступенях мрачного здания валяется труп. Возле него стоит группа наших бойцов—победителей Берлина. Их суровые взоры прикованы к распластанному телу. Это он, бесноватый ефрейтор, возомнивший себя властелином мира...

Медленно прошелся объектив фронтового оператора по чудовищному существу, брезгливо задержался на запрокинутой голове с отверстием пули у переносицы, отвислым щекам, клоунской щеточке усов, обрюзгшему в пятнах лицу, и ушел, как можно скорее ушел от отвратительного смрада этой черной мумии, распростертой на выщербленной ступени широкой замусоренной лестницы. 12 метров пленки не пожалел для этой сцены военный кинооператор Иван Панов.

...Весна 1960 года. Внуковский аэропорт. Прохладой и свежестью напоен ясный московский день. Один за другим подруливают самолеты — из Тбилиси, Алма-Аты, Свердловска, с Крайнего Севера... Старший сержант, командир роты автомотчиков Илья Сьянов, генерал-лейтенант Василий Шатилов, генерал-полковник Семен Переверткин спустя пятнадцать лет встречаются в мирные дни. В аэропорт Внуково слетаются все участники фильма — Герои Советского Союза, герои штурма Берлина.

Порывистые, горячие объятия, слезы, облегчающие душу, смущенные улыбки. Для многих этих воинов, соединивших некогда свои судьбы, это была первая встреча после фронта. Эти люди испытывали сейчас огромную радость. И нас, сидящих в зале, ни на секунду не оставляет волнение — мы участники этой встречи бесконечно мужественных и человечных людей. Вот они в гостях у Федора Зинченко — первого коменданта рейхстага. Москвичи ведут своих гостей по улицам столицы, вводят их в Центральный музей Советской Армии. У знамени Победы они, молчаливо став в тесный круг, слушают, как рядом молодой экскурсовод рассказывает детям историю великой битвы: «Батальоны Неустроева, Давыдова, Самсонова заняли исходное положение перед штурмом. Генерал Переверткин звонит генералу Шатилову и просит доложить, как идут дела. — Где знамя? — спрашивает он. — Знамя в бою, знамя в полку Зинченко...»

Старые бойцы переглядываются — дорогие воспоминания. Все они здесь вместе, как на поверке, как пятнадцать лет тому назад.

А. ЛАЗЕБНИКОВ

15 лет не виделись боевые друзья Герои Советского Союза Илья Сьянов, Федор Зинченко, Василий Давыдов. Радостной была их встреча.

Кадр из фильма «Они водрузили знамя Победы» (производство Центральной студии документальных фильмов).

НА КОНГРЕСС ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ

18 июня из Москвы в Италию вылетела делегация советских писателей в составе М. Бажана (руководитель делегации), М. Танка, М. Алигер, А. Чаковского, Г. Брейтбурда. Делегация примет участие во втором конгрессе Европейского сообщества писателей, который состоится в Риме с 20 по 22 июня.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В связи с проведением Декады молдавского искусства и литературы в Москве и награждением правительственными наградами — орденами и медалями — большой группы молдавских писателей нами получены многочисленные поздравления от товарищей, коллективов и учреждений. Разрешите выразить через «Литературную газету» всем поздравившим нас братскую, искреннюю благодарность.

По поручению группы писателей Андрей ЛУПАН

ЗАСЕДАЮЩИЙ ПРОСИТ ПОЩАДЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

или у главного технолога. Поскольку мне приходится повсюду бывать, я не бываю в конструкторском бюро, не знаю, что у меня делается. Вот и сам вынужден созывать «оперативки», которые, как правило, отнимают еще четыре часа в неделю... Это, имейте в виду, «узаконенные» совещания. Помимо этого, в городе ежедневно созывают два-три совещания, где присутствие мое обязательно.

Для всех этих совещаний необходимо готовить материалы, справки, докладные записки. На эту писанину я затрачиваю в неделю еще четыре часа... А на свою конструкторскую работу у меня остается не больше двух часов в день. И то не всегда. Это особый, счастливый день!

— Но, быть может, эти совещания все-таки нужны, помогают делу?

— То-то и обидно, что во многих случаях не нужны и не помогают. Возьмите для примера наши «оперативки» по качеству. На них вызываются: главный инженер, его заместители, начальник планового отдела, главный технолог, главный металлург, главный сварщик, три главных конструктора, начальник отдела подготовки технической документации, начальники инструментального отдела и центральной лаборатории. И никто из них заранее не знает, о чем будет идти речь. Люди заседают часами, и в результате, как правило, выясняется, что обсуждаемый вопрос легко можно было решить обычным двухминутным телефонным разговором. Оказывается, созывать весь командный состав завода не было никакой необходимости. И самое обидное, «оперативка» ведь никогда ничего не решает, а только поручает кому-то в чем-то разобраться.

— Позвольте! Если эти совещания не нужны, тогда зачем же они проводятся?

— А затем, что иные работники ничего не хотят решать самостоятельно. Советоваться, конечно, надо. Но по большим вопросам, важным. А у нас что ни вопрос — то совещание. Дескать, решаем все коллегиально. А за этой, простите за выражение, коллегиальностью, если хотите, скрывается обыкновенная трусость, боязнь взять на себя ответственность... Вот и совещаемся с утра до ночи по пустякам, не доверяем себе, не доверяем людям, сами в себе воспитываем безответственность...

Слушая Георгия Лукича, я невольно вспомнил недавний разговор с другим, не менее известным в стране ученым (не стану указывать его имени). Как-то он зашел к нам в редакцию, и мы в разговоре поинтересовались его последними научными работами.

— Э, батенька, и не спрашивайте, не тревожьте больных ран, — вздохнул он. — Грустно и стыдно признаваться вам, но давно я уже никакой не ученый! Штатный заседатель — вот кто я таков!

Выяснилась довольно печальная история. В свое время ученый сделал важное открытие. Но это было только началом напряженной, интересной работы. Ученый горел нетерпением продолжить исследования. Но тут, как на грех, словно сговорившись, сразу несколько институтов избрало его членом своих ученых советов. Вслед за этим его ввели в свой состав три солидные научные коллегии. Ученый стал «модным» человеком, и еще несколько авторитетных организаций поспешило сделать его своим постоянным консультантом. Исследователь забыл дорогу в свою лабораторию, забросил начатую работу. Главной заботой его теперь стало — не перепутать совещания и вовремя поспеть с одного на другое...

В свете этих фактов особую окраску приобретает статистика «Большого Урала».

Двенадцать тысяч делегатов и сто совещаний за четыре с половиной месяца. Это цифры только одной гостиницы одного города! При мысли, что совещаются у нас не только в Свердловске, совещаются еще, наверное, в других городах и даже в районных центрах, становилось не по себе.

Здесь было над чем призадуматься. В самом деле, что означают двенадцать тысяч делегатов? Это двенадцать тысяч командировок, это проездные, суточные, квартирные, а в заключение двенадцать тысяч авансовых отчетов. Но, главное, это двенадцать тысяч деловых людей, специалистов и мастеров, покинувших свое рабочее место, оторванных от станков, от лабораторий, со строек. И если учесть, что в среднем у каждого поездка на совещание отняла минимум одну трудовую неделю,—на ветер брошено семьсот тысяч часов рабочего времени. А если говорить честно и прямо, то это сорок два миллиона минут, украденных (не побоимся этого слова) у дела! И это у нас, в стране, где каждая трудовая минута стала материальной ценностью, всенародным достоянием; в стране, где только на московских предприятиях за одну минуту выпускается около девяноста пар кожаной обуви, свыше тысячи метров хлопчатобумажных тканей; в стране, которая к концу семилетки будет добывать за одну минуту 2 417 тонн угля, 463 тонны нефти и выплавлять 175 тонн стали!

Вдумайтесь в эти цифры, дорогой читатель, и вам станет ясно, что и заботы конструктора Химича, и гостиничная статистика — явления серьезные. Они настораживают и требуют безотлагательных и самых решительных мер.

РИСУНКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Художник А. Кокорин

В ПЕРВЫЕ ЧАСЫ И ДНИ...

ЭТО, как видно, уже навсегда останется в памяти каждого, кто оказался 22 июня 1941 года в районе границы...

Первые взрывы. Самолеты с черно-белыми крестами на крыльях, вызывающе идущие почти над самой головой. Первая кровь — не солдат, не мужчин, а детей и женщин. Первая ярость. И решимость драться до конца.

Это испытал, наверно, каждый, будь он знающим почем что солдатом, подобно заместителю командира мехкорпуса, бригадному комиссару Н. Попелю, будь он рядовым первого года службы мотомехполка, как я. Не потому ли, читая в книге Н. Попеля о том, как вражеские самолеты пикировали на военный городок «и взмывали вверх, словно подброшенные тугими, черными клубами», я вспомнил то же утро — 22 июня — в другом украинском городе.

Н. Попель. «В тяжкую пору». Воениздат. 1959.

Вспомнил такой же надсадный, тягостный рев бомбардировщиков, клубы черного едкого дыма, вырывавшегося из окон нашей казармы, и услышанную впервые команду: «По фашистам огонь!»

«В тяжкую пору» назвал Н. Попель свою книгу. И честнее, точнее, пожалуй, не определишь эту первую пору войны, пору мучительных неудач, невозвратимых утрат и поразительных открытий. «...Если не бояться громких слов... — великих открытий на каждом шагу, в каждом деле, в каждом человеке, в себе самом. Открытий радостных и горьких, окрылявших и ударявших оземь».

Мемуары Н. Попеля изданы в 1959 году, когда на книжной полке стояло уже немало воспоминаний о войне. Что же может прибавить к ним эта книга?

Если на первых порах разговор шел главным образом о событиях исключительных — о легендарном рейде соединений Ковпака, подвигах партизан в Крымском подполье, о действиях отряда Медведева под Ровно, то Попель, как и авторы ряда современных книг о войне, хочет рассказать о том, что произошло с тысячами, сотнями тысяч солдат в первые дни нападения на нашу Родину фашистов. Но в жестоких буднях войны он раскрывает героическую, светлую, благородную сущность того, кого называли простым солдатом. Того, кто был способен, как красноармеец Иван Семенихин «с под Вологды», в глухом лесу, в одиночку, без хлеба и провианта охранять в течение недели доверенные ему два десятка танков. Того, кто мог, как бойцы отряда Попеля, заставить себя после четырехдневного голодного марша по тылам врага отказаться от богатой добычи — загулявших в лесу трех коров; хозяева которых — крестьяне — обнаружились вскоре.

«Книга документально достоверна», — говорится в предисловии. Да, автор с документальной мужественной и суровой достоверностью вспоминает о первых днях схваток с фашизмом: и о том, как танковый корпус был захвачен войной врасплох, как метался он по нашим тылам, получая противоречивые приказы штабов армии и фронта, пока не попал в окружение, как растерялись некоторые командиры, как героически сражались наши люди. Но книга еще и исторична. И чем прямее говорит автор о горе и крови начальной поры войны, тем острее ощущаешь силу и величие коммунистических идей, которые помогли сплотить воедино всю эту отступавшую громаду, создать армию, которая сокрушила фашизм. Так, на первый взгляд, отдельные и частные моральные потери оказываются в общем балансе войны, в перспективе будущего решающей силой. И мы видим, как народ поднимается на смертельную борьбу за Родину, человечность и свободу.

Для каждого читателя — а их, думаю, немало есть и будет у этой искренней, прямой и по-настоящему увлекательной книги — найдутся, конечно, свои, особенно задевающие за душу страницы.

Я, сознаюсь, не мог без волнения читать рассказ о подвиге танкистов разведбатальона майора Сытника — этого первого, по выражению Попеля, «самовольного» героя корпуса, чье подразделение пришло на помощь незнакомой пехотной части, ворвавшись на предельной скорости в расположение противника.

Быть может, этот эпизод так растревожил меня потому, что я вспомнил, как мы, вторые сутки с начала войны не выходившие из боя, впервые увидали спины врага. Это случилось в тот момент, когда минуты жизни нашей части были, казалось, уже сочтены. И вдруг на шоссе, словно в сказке, возникло темное облако гремящей, рокочущей пыли и командир полка, ехавший вместе со всем своим штабом в цепи, рванулся этому облаку наперерез и... А дальше все случилось примерно так, как и с батальоном Сытника. Это тоже был «самовольный» подвиг, нарушение боевого приказа танковой ротой соседней армии.

Но не оказалось ли в этих двух нарушениях привычного устава следование рождавшемуся в первых боях неписаному закону войны, тем нормам советской морали, боевого товарищества, против которых оказались бессильны и фашистские танки, и самолеты, и минометы?

О чем книга Попеля? О сражениях в районе границы в первые дни? О героическом выходе из окружения мехкорпуса, преодолевшего с боями сотни километров по вражеским тылам? Да. Но прежде всего — это рассказ о людях. О людях с чистой совестью.

Сколько раз, читая воспоминания военных, рабочих, колхозников, с досадой обнаруживаешь, как автор, рассказывающий раздумчиво и спокойно, вдруг впадает в литературный тон, спешит нанизать обороты один красивее другого. И тогда начинаешь нетерпеливо листать книгу, чтобы проверить, нет ли где-нибудь указания: литературная запись такого-то.

Читая «В тяжкую пору», тоже обращаешься к титульному листу. Но совсем с иным чувством... И, может быть, лучшей оценкой работы соавтора генерал-лейтенанта Н. Попеля В. Кардина будет то, что о нем вспоминаешь, лишь перевернув последнюю страницу книги.

Бор. МЕДВЕДЕВ

Адмирал А. ГОЛОВКО

В годы Великой Отечественной войны адмирал Арсений Григорьевич Головко командовал Северным флотом.

Военное издательство сейчас готовит в свет мемуары адмирала А. Г. Головко, написанные на основе дневников, которые он вел в течение 1941—1945 годов.

Ниже мы публикуем некоторые эпизоды из его будущей книги «Вместе с флотом». Они относятся к различным периодам Великой Отечественной войны и воскрешают нетленные страницы мужества и героизма советских людей, сокрушивших фашизм, отстаивающих дело мира во всем мире.

ВЗАПИСЯХ, которые я вел с первых дней Великой Отечественной войны, нет многого, с чем связано распространенное представление о дневнике. Нет потому, что я считал ненужным углубляться в область личного, интимного, в душевные переживания. Да и не хватало времени для таких записей. Слишком много более важных событий, ярких эпизодов, героических и трагических судеб других людей концентрировалось вокруг. Ведь командующий флотом обязан был заниматься всем, что составляло повседневную деятельность сложного флотского организма в рамках того театра, на котором данный флот действовал.

Для Северного флота в годы войны это было пространство от Шпицбергена до бухты Тикси, равное на более южной параллели пространству от Риги до Иркутска.

НЕТ, пожалуй, более трудной боевой службы, чем служба подводника. Если, например, летчик все же имеет шансы на то, чтобы спастись (или самолет спланирует без мотора, или можно выпрыгнуть с парашютом), то у подводника нет никаких шансов. С глубин более пятидесяти метров нечего надеяться выбраться из затопувшей лодки. У нас же на Северном театре, даже в Кольском заливе, то есть дома, нет глубин меньше, чем 250—300 метров.

Думая об этом, я вспоминаю сейчас один из героических походов подводной лодки «К-21» летом 1942 года.

В то памятное время, когда английские корабли покинули сопровождаемый ими конвой, на пути гитлеровцев осталась только наша крейсерская подводная лодка «К-21» под командованием капитана 2-го ранга Н. А. Лунина, Героя Советского Союза, одного из опытных североморцев-подводников. Вместе с другими лодками по соответствующему плану развертывания сил флота она была заранее направлена в тот район для обеспечения перехода конвоя и действовала в самых тяжелых, невыгодных для подводных лодок условиях: при незаходящем солнце заполярного лета и в полный штиль. Малейшее движение на поверхности океана, бурунчик перископов — все легко просматривалось вражескими самолетами-разведчиками, которые вели фашистскую эскадру к месту обнаруженного ими 17-го конвоя.

Докладывая мне об ударе по «Тирпицу», Лунин, как всегда, был лаконичен. Он подтвердил получение обеих моих радиограмм, адресованных всем нашим лодкам на позициях, с уведомлением о выходе в море фашистской эскадры и с приказанием решительно атаковать противника. В этот момент «К-21» была на позиции в районе острова Нигей. Получив приказание, Лунин немедленно произвел зарядку аккумуляторных батарей, погрузился и начал поиск.

В шестнадцать часов тридцать три минуты 5 июля акустик «К-21» услышал шумы справа по носу. Лодка всплыла под перископ, но поверхность океана оказалась пустынной.

Вскоре старпом Лукьянов увидел в перископ силуэт корабля. Приняв его за вражеский подводный рейдер, он подвернул лодку на боевой курс, приказал готовиться к торпедной атаке и доложил командиру о неизвестном корабле.

Заняв свое место, Лунин поднял перископ и (поскольку лодка продолжала идти навстречу неизвестному кораблю) опознал вражеский миноносец. За ним уже виднелись другие корабли.

Это шла эскадра противника, что подтверждали доклады акустика об усиливающихся шумах. Затем шумы можно было слышать без акустических приборов.

Лунин снова поднял перископ, убедился, что лодка находится в центре вражеской эскадры, сделал круговой обзор перископом, обнаружил два миноносца впереди, за ними линкор «Адмирал Шеер», опять миноносец, за ним — «Тирпиц», снова миноносцы...

Внимание Лунина сосредоточилось на «Тирпице», что было безусловно правильно. Из всех находившихся вокруг «К-21» вражеских кораблей «Тирпиц» представлял самую важную цель — огромная современная плавучая крепость длиной около четверти километра, такой же, как «Бисмарк», новейший линкор германского флота, спущенный на воду всего три года назад.

Нанести разящий удар по такому исполину, вывести его из строя, обезвредить крупного фашистского зверя — только об этом и должен был думать при встрече с ним настоящий командир-подводник.

Николай Александрович Лунин так и мыслил. Дело тут было не только в хорошей, расчетливой дерзости командира, но и в других качествах, которыми обладал прежде всего сам Лунин и которые он прививал всему экипажу «К-21». Атаки Лунина всегда были смелыми и хитрыми. Как-то, довольно светлой ночью, он забрался в базу противника, где у причала находилось много судов. Проскочить в бухту лодке пришлось в надводном положении мимо скалистого мыса, на котором расположился вражеский наблюдательный пост. Оттуда, с поста, немедленно засигналили фонарем. Недолго думая, Лунин велел повторить этот же сигнал. С поста снова замигали. В ответ сигнальщик с лодки передал фонарем немецкое ругательство, подсказанное Луниным. Фашисты вполне удовлетворились таким ответом. То же самое последовало, когда лодку запросили второй и третий посты, расположенные внутри бухты. Пока вражеские сигнальщики на постах разбирали полученные на запрос произвольные позывные, переданные с лодки, «К-21» проникла на внутренний рейд и выстрелила из носовых аппаратов по скоплению судов у причала. Взрывы последовали один за другим, в воздух полетели обломки; после чего Лунин развернул лодку, повторил залп, теперь из кормовых аппаратов, и спокойно вывел «К-21» из вражеской базы.

Настоящий моряк, сын моряка, Лунин прошел путь от матроса торгового флота до капитана дальнего плавания, от командира учебного парусника «Вега» на Черном и Азовском морях до командира-подводника, действующего в нелегких, зимой и летом, условиях Заполярья.

Мало было храбрости, чтобы выстрелить в «Тирпица», находясь в самом центре фашистской эскадры, то есть имея все шансы быть утопленным. Надо было выстрелить наверняка, чтобы не зря рискнуть лодкой, экипажем, собой. Пятнадцать раз Лунину пришлось поднимать перископ и менять курс лодки, прежде чем торпедисты услышали единственное ожидаемое ими слово командира. Носовые торпедные аппараты «К-21» с момента, когда еще старпом Лукьянов приказал готовиться к торпедной атаке, были в мгновенной готовности к выстрелу. И вот, когда до дистанции залпа осталось не более трех минут хода, фашистская эскадра сделала неожиданный поворот и легла на новый курс. Медлить было некогда, и Лунин снова принял правильное решение: произвести залп четырьмя торпедами из кормовых аппаратов с интервалом в четыре секунды и с дистанции восемнадцать кабельтовых.

Два взрыва были зарегистрированы акустиком через две минуты пятнадцать секунд; гул третьего взрыва продолжался двадцать секунд, за ним послышались еще два взрыва. Причиной всех трех последних взрывов Лунин считал то, что вражеский миноносец, который повернул на контркурс к линкору, когда «К-21» выпустила первую торпеду, скорее всего перехватил ее на себя и затонул, после чего на нем, в момент его гибели, взорвались глубинные бомбы.

В общем дерзость, с какой был нанесен торпедный удар по «Тирпицу», настолько ошеломила гитлеровцев, что они упустили «К-21».

Не получив повреждений, лодка ушла от миноносцев и через полчаса всплыла под перископ. Увидев вокруг пустынное море, Лунин донес о своей атаке и о курсе, каким следовала фашистская эскадра.

Сутки спустя самолеты нашей авиаразведки обнаружили «Тирпица», «Шеера» и сопровождавшие их миноносцы неподалеку от норвежских берегов. Фашистская эскадра шла отнюдь не тем курсом, который мог привести ее к месту встречи с РО-17: нет, она уходила на юг, причем шла не с обычной в таких случаях скоростью. Это означало, что торпеды, выпущенные из кормовых аппаратов «К-21», попали в уязвимое место вражеского линкора, лишили его нормальной скорости хода, принудили отказаться от выхода на курс конвоя.

Еще позже, через двое суток, наши разведчики вновь отыскали фашистскую эскадру — линкор, два крейсера и семь миноносцев — на якоре к юго-западу от острова Арней[1].

ОСОБЫМ, вероятно, является случай с американским транспортом «Винстон-Сален». О нем мне только что доложил полковник И. П. Мазурук, командир Северного авиаотряда.

Случай, мягко выражаясь, возмутительный.

Находясь в поисковом полете вдоль Новой Земли, Мазурук, обнаружив на рейде южной части залива Моллера против губы Литке океанский транспорт, произвел посадку возле него и установил, что на транспорте нет ни души. Огромное судно, полное груза, было целехонько, хотя и приткнулось к мели. Не хватало только замков у орудий. Затем наши летчики увидели несколько палаток на берегу, направились к ним и выяснили, что в палатках находится весь экипаж брошенного судна — американского транспорта «Винстон-Сален».

Шедший в составе 17-го конвоя, этот транспорт счастливо избежал встречи с фашистскими подводными лодками и самолетами, благополучно достиг Новой Земли и вполне мог самостоятельно следовать вдоль побережья на юг, к горлу Белого моря. Капитан «Винстон-Салена» не пожелал, однако, идти в порт назначения груза — Архангельск. Он завел транспорт в первую попавшуюся на пути бухту, распорядился снять и выбросить за борт замки орудий, разрешил команде покинуть судно и обосноваться лагерем на берегу.

На языке военного времени это: невыполнение боевого приказа, трусость и дезертирство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тем не менее капитан «Винстон-Салена» держал себя нагло, — он встретил наших летчиков требованием доставить к нему представителя... Советского правительства.

В ответ Мазурук указал на свой значок депутата Верховного Совета СССР.

Тогда капитан «Винстон-Салена» в категорической форме потребовал предоставить ему место в самолете для отправки в США, отказался вести транспорт в порт назначения. На все увещевания и доводы этот беззастенчивый делец заявил, что его не интересует судьба транспорта и груза, поскольку они уже доставлены им в первый советский порт. Под портом он разумел пустынную бухту арктического острова на расстоянии тысячи миль от железной дороги. И это — союзник! Да в какое время!.. Когда нам приходится выдерживать новый натиск противника, рвущегося на Кавказ и к Сталинграду!

Нельзя, разумеется, судить о всех американцах по бессовестному человеку, каким показал себя капитан «Винстон-Сален», как нельзя отождествлять дружественные чувства к нам подавляющего большинства англичан с политикой, продиктовавшей действия Британского адмиралтейства. Но действия эти, видимо, предопределили и трагическую участь 17-го конвоя, и решение об отсрочке выхода 18-го конвоя из английских портов. Об этом только что официально известил меня новый глава британской военно-морской миссии в Полярном контр-адмирал Фишер, сменивший Бевана. Он сообщил, что 17 июля в Лондоне состоялось совещание, после которого миссия получила телеграмму об отмене до сентября конвоев к нам.

Едва удержался, чтобы не сказать контр-адмиралу Фишеру, в недавнем прошлом командиру линейного корабля «Бархэм», заслуженному «морскому волку» и, на мой взгляд, далекому от политических интриг человеку: «Вы же своими глазами, контр-адмирал, видите, что мы воюем не за страх, а за совесть и честно выполняем обязательства, принятые на себя. Так почему же вы, союзники по оружию, ставите под смертельный удар тысячи верящих вам людей, прежде всего своих моряков? Почему губите их в угоду тайным интересам и политическим расчетам, которые бесконечно далеки от нашей общей цели в борьбе против гитлеризма? Почему не выполняете своих обязательств?..»

Знаю, что вопросы останутся без ответа. Не контр-адмиралу Фишеру отвечать на них. Это вне служебных функций начальника миссии, а на разговор по душам он не пойдет. Да и что он может сказать в объяснение действий Британского адмиралтейства?.. При каждой встрече со мной после разгрома «РО-17» он прячет глаза, краснеет (да, да, краснеет!), а вообще старается избегать встреч.

У САМОГО вражеского берега, в районе Нордкапа, подорвалась на мине видяевская «щука» — подводная лодка «Щ-421», которой командовал капитан 3 ранга Федор Алексеевич Видяев.

Положение «щуки» после аварии оказалось катастрофическим. Однако Видяеву не пришло в голову покинуть лодку, пока на борту ее оставались другие люди. Он не пожелал сойти с

(Окончание на 4-й стр.)

[1] По сообщению английской разведки, через один-два дня после стоянки у острова Арней «Тирпиц» был поставлен в ремонт. По мнению англичан, высказанному тогда же, это было следствием атаки, произведенной «К-21».

Сегодня

Александру Твардовскому исполняется 50 лет

Фото М. Трахмана

О ЛЮБИМОМ ПОЭТЕ

М. ИСАКОВСКИЙ

ИСПОЛНИЛОСЬ 50 лет со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского — самого крупного, самого талантливого нашего поэта.

И в этот день мне вместе с его читателями и друзьями хочется крепко-крепко пожать ему руку и дружески-душевно поздравить не только с этой знаменательной в его жизни датой, но и с теми большими успехами его поэзии, с которыми он пришел к ней, к этой своей дате.

А. Т. Твардовский как-то сказал, что одним из признаков по-настоящему хороших стихов является то, что эти стихи представляют интерес не для какого-либо узкого круга любителей поэзии, а их читают, ими интересуются, их любят и все те люди, которые стихов обычно не читают.

В этом высказывании заключена очень большая правда. И этой правде следует прежде всего сам А. Твардовский. Именно он в наши дни создал такую поэзию — поэзию, полную глубочайшего интереса и смысла для миллионов советских людей. Он в этом отношении сделал много больше и много лучше, чем кто-либо из нас, его современников.

А. Твардовский обладает удивительным, я бы сказал, завидным даром разговаривать со своим читателем. Поэтическая речь А. Твардовского течет очень свободно, очень естественно, без всякого нажима. Она лишена той внешней поэтической условности (или даже вычурности), которая у некоторых поэтов превращает стихи в нечто надуманное, ненастоящее, нарочитое, в нечто такое, чему плохо верится и что плохо воспринимается. В то же время речь А. Твардовского на редкость точна, красочна, глубока и поэтична в самом высоком смысле. И не удивительно, что она доходит до сердца каждого читателя, что читатель не может остаться равнодушным к ней.

Но, конечно же, в творчестве А. Твардовского привлекает не только манера его поэтического разговора, но и предмет этого разговора. А предмет этот всегда значителен. Твардовский всегда писал и пишет на большие, кардинальные темы нашей современности. И в этом — еще одна отличительная черта умной, талантливой, проникновенной поэзии А. Твардовского, по которой, между прочим, видно и то, как тесно связан поэт с жизнью своего народа, как глубоко и широко он знает и понимает эту жизнь, как хорошо он видит ее своим поэтическим зрением. И тут у него также есть чему поучиться.

Я, впрочем, не собираюсь давать здесь сколько-нибудь полную оценку всего того, что сделано Твардовским. Да это и невозможно сделать в столь небольшой заметке. Я хочу лишь сказать, что мне вместе с его многочисленными читателями и друзьями доставляет особую радость приветствовать его и его поэзию, ту поэзию, которая всегда была наиболее близкой и дорогой для меня. Я рад, что эта поэзия звучит в полный голос по всей нашей стране и за ее пределами.

Я рад, что свое пятидесятилетие А. Т. Твардовский встречает в полном расцвете сил, о чем свидетельствует хотя бы только что законченная им превосходная поэма «За далью — даль», значение которой для нашей поэзии поистине огромно. И, несомненно, он еще не один раз порадует нас своими замечательными произведениями.

Я душевно желаю ему долгих лет жизни, новых больших успехов, новых свершений его поэзии.

С ЕГОДНЯ исполняется полвека со дня рождения нашего современника — поэта А. Т. Твардовского. «Ради жизни на земле»

С. МАРШАК

Александру Трифоновичу, как это можно заключить из всего им написанного, вряд ли должны быть по душе юбилейные славословия.

Свое отношение к жизни и литературе он лучше всего выразил во вступлении — или в присказке — к «Василию Теркину»:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, *прямо в душу бьющей*,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Но и эти прямые и простые слова прозвучали бы в устах Твардовского слишком патетично, если бы им не предшествовали строчки о самых основных на свете, самых насущных вещах.

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б вода.

О том, что значат для бойца свежая вода и добрая, горячая пища, достаточно красноречиво сказано в первых строфах поэмы. Но и этого для фронтовой жизни еще мало.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой...

С веселой шуткой, прибауткой и поговоркой (а все это досталось в дар поэту очень рано, чуть ли не в колыбели) легче говорить острую, «прямо в душу бьющую» правду. Но для этого нужна еще и смелость. Смолоду Твардовский берется за самые сложные и ответственные темы. Он всегда «на переднем крае». В двадцатичетырехлетнем возрасте он начал, а к двадцати шести годам закончил большую поэму о бурном, еще совсем недавнем времени, когда в стране решалась судьба крестьянства, его будущий строй и уклад.

Автор не смягчил, не сгладил той ожесточенной — не на жизнь, а на смерть — борьбы, которая шла в деревне, не преуменьшил сил и страстной убежденности ни одной из спорящих сторон. Глазами своего героя, странствующего в поисках сказочной «страны Муравии» по необъятным просторам родной земли, он долго и пытливо, по-хозяйски всматривается во все, что еще сохранилось от старого и что возникает вновь.

И оттого так убедительно звучат строки, определяющие исход борьбы, которая идет вокруг и в душе героя поэмы Никиты Моргунка.

Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..
Так вот, даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет...
— А там?
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — навечно...

Вся эта поэма лирична, как песня. То и дело по пути, как бы сам собою, открывается перед нами чистый и свежий пейзаж.

Далеко стихнуло село,
И кнут остыл в руке.
И синевой заволокло,
Замглилось вдалеке.
И раскидало конский хвост
Внезапным ветерком.
И глухо, как огромный мост,
Простукал где-то гром.
И дождь *поспешный, молодой*
Закапал невпопад.
Запахло летнею водой,
Землей, как год назад...

Но несмотря на все эти лирические отступления, которые питают поэму Твардовского, как донные ключи, ее читаешь с тем простым и жадным интересом, какой возбуждает в нас хорошая, толковая проза.

КОГДА-ТО — во время Пушкина, Лермонтова — поэзия была чтением и не уступала этого своего права прозе. Стихи Некрасова в журналах привлекали читателей не меньше, чем повести и романы Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевского. Но зато в последующие годы даже лучшие наши поэты не могли соперничать с виднейшими прозаиками своего времени. Поэзия перестала быть емкой и утоляющей, как проза.

А с каким аппетитом читают и перечитывают у нас в народе страницы «Василия Теркина»! Не многие авторы повестей и романов запечатлели так смело, правдиво и полно последнюю войну с ее буднями, боями, переправами, лютыми холодами («Зол мороз вблизи железа...»), как это удалось Твардовскому в его «книге про бойца».

Каждая строка ее говорит о том, что автор сам побывал в гуще, в пекле войны и пережил вместе с нашей армией гнетущую тоску отступления («Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?..») и радость трудно доставшихся побед.

Однако жизнь на фронте, несмотря на ее немыслимые тяготы и неотступную близость смерти, — все-таки жизнь. Да еще какая широкая, многообразная, многоголосая, особенно тогда, когда воюет не только армия, а весь народ.

В передышках между боями люди поют и мечтают под гармонь, парятся в бане, лихо отплясывают на морозе, шутят, смеются. Не случайно главным героем поэмы оказался балагур и гармонист Василий Теркин, о котором автор говорит:

Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Глубокой, подлинной человечностью проникнута поэма о самой кровавой и беспощадной из бывших до сих пор войн.

Чего стоит рассказ о том, как тайком, ночью возвращается в родную хату солдат, пробираясь с кучкой товарищей из окружения. На одну только ночь вернулся домой хозяин, да и той не доспал.

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.
— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить...
Тюк да тюк. До света рубит,
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь...

Любви, щедрой любви к жизни, к людям в этой военной поэме не меньше, чем ненависти к врагу, посягнувшему на мирное счастье людей. Недаром же как основной мотив звучат в ней четкие и торжественные слова:

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

НЕ ВСЕ поэты вовремя достигают зрелости. Иные из них, оставив далеко позади юношеский возраст, все еще ходят в «начинающих». Твардовского мы начинающим не помним. Взрослым человеком с немалым жизненным опытом и зрелым чувством ответственности вошел он смолоду в литературу.

Может быть, этому способствовало его деревенское прошлое. В деревне семилетний паренек — уже не дитя.

С каждым годом мужал его стих, все значительней и ответственней становились его темы.

Но, может быть, никогда еще голос поэта не звучал так твердо и уверенно, как в его последней книге «За далью — даль».

Эта поэма сродни всем его прежним лирическим стихам и поэмам. В ней та же сосредоточенная вдумчивость, та же ядреная меткость слова, тот же умный и тонкий юмор.

Сюжета, фабулы здесь, пожалуй, еще меньше, чем в «Теркине». Сущность поэмы кратко и точно выражена ее заглавием — «За далью — даль».

Даль открывалась и в «Муравии», где в телеге колесил по родной стране Никита Моргунок. Бесконечная даль была и перед Василием Теркиным, когда он пробирался на фронт из окружения — с запада на восток, — а потом двигался в рядах армии с востока на запад.

А теперь в пути сам автор. Не глазами своих героев, а собственными глазами видит он огромную страну, пересекая ее от Москвы до Урала и от Урала — через всю Сибирь — до Владивостока.

В поэме слышится на этот раз не характерная, бытовая речь, а подлинный голос самого поэта. Его наблюдениями и раздумьями наполнены страницы.

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хватит этой полки.
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью.
И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье, Предуралье,
Взойдет отлого на Урал,
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль...
А за Байкалом —
Забайкалье,
А там еще другая даль...

Для автора поэмы путешествие по этому бурно оживающему, встающему из небытия краю, который еще так недавно считался «краем земли», — и радость, и серьезное дело, работа.

Мне этим летом было надо
Застать в разгаре жданный день,
Когда Ангарского каскада
Приспела новая ступень.
И стрелкам времени навстречу
Я устремился к Ангаре,
В Москве оставив поздний вечер
И Братск увидев на заре.
И под крутой скалой Пурсеем,
Как у Иркутска на мосту,
В числе почетных ротозеев
В тот день маячил на посту.

Нет, не «почетным ротозеем», а хозяином и участником великих работ вглядывался поэт в новые для него места, упрекая себя за то, что поздно их увидел, и давая совет молодым:

...И пусть виски мои седые
При встрече видит этот край...
Но вы глядите, молодые,
Не прогадайте невзначай
Свой край, далекий или близкий,
Свое призванье, свой успех —
Из-за московской ли прописки
Или иных каких помех...

НО О КНИГЕ «За далью — даль», самой зрелой и самой сложной из всех поэм Твардовского, следует поговорить особо и в другой раз.

Пока же мы можем только пожелать новой встречи с поэтом, который так счастливо ознаменовал свое пятидесятилетие завершением большого и славного труда.

Рисунок художника О. Верейского

Вровень с временем

Алексей СУРКОВ

ЭТО не критическая статья и не литературное исследование. Это слово товарищеского привета и искреннего уважения великолепному поэтическому дару современника, которому выпало высокое счастье запечатлеть в своих поэмах и стихах, в своей полной поэтической ясности и лаконичности прозе зримые черты нашего неповторимого времени.

Рассказывая читателям о том, как он работал над своей поэмой «Василий Теркин», Твардовский писал:

«Не эта война, какая бы она ни была... породила этих людей, а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаружила, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей».

«Задача — проникнуть в их духовный внутренний мир, почувствовать их как свое поколение (писатель — ровесник любому поколению)...»

Перечитывая все написанное Александром Твардовским — от первых его стихов и поэм, предшествовавших «Стране Муравии», и первой его прозы «Дневник председателя колхоза» до завершающих глав послевоенной поэмы «За далью — даль», — находишь тысячи подтверждений глубокой правоты мысли о том, что **«писатель — ровесник любому поколению»**.

Уже в первой своей большой поэме Александр Твардовский предстал перед читателем не только как носитель яркого природного таланта, но и как мастер, с достоинством продолжающий демократические традиции русской классической поэзии.

Подобно Михаилу Шолохову, создавшему в те незабываемые годы первую книгу своего романа «Поднятая целина», Твардовский ввел читателя в гудящий, как разворошенный улей, мир деревенской жизни эпохи коллективизации, ликвидации кулачества, эпохи, на долгие десятилетия определившей будущее нашей страны.

Уже «Страна Муравия» раскрыла те новые возможности, которые таит в себе жанр поэмы и которые впоследствии с таким блеском открылись в поэмах «Василий Теркин» и «За далью — даль».

Органическое сочетание присущей поэме повествовательности, событийности, жанровых картин быта со свободными переходами к лирическим отступлениям, расцвечивающей рассказ искрометной шутке «к случаю», удачно введенной в ткань произведения мудрой народной пословице и собственному авторскому афоризму, становящемуся в уровень с пословицей и поговоркой, — все это объединяет написанные Твардовским большие произведения в некое единое целое и в сочетании с лирикой, заполняющей временные интервалы между датами публикации поэм, дает яркую, динамическую картину жизни советского общества за последние тридцать лет.

В ЛИТЕРАТУРНЫХ спорах послевоенных лет, да и более раннего времени много копий поломано вокруг «современной темы».

Тихоходы от литературы, чаще всего живущие чуть-чуть в сторонке от столбовой дороги исторического движения народа, стараются и старались свою прирожденную медлительность и тяжелодумность оправдать ссылками на необходимость подождать, когда все уляжется, все образуется, когда между художником и событием возникнет «ретроспективное пространство».

Нетерпеливые поспешатели, пользующиеся медлительностью своих коллег тихоходов для заполнения литературными скороспелками образовавшейся тематической пустоты, оправдывают литературные грехи и огрехи своих тощих творений неизбежностью «накладных расходов» на «тематическую актуальность».

Наряду с самыми сильными, самыми времяустойчивыми произведениями нашей советской литературы, поэмы и лучшие лирические стихи Александра Твардовского в одинаковой мере опрокидывают как доводы тихоходов, так и шумные претензии нетерпеливых творцов литературных скороспелок.

В год своего пятидесятилетия Александр Твардовский, опубликовав три заключительные главы, завершил десятилетний труд над поэмой «За далью — даль».

В этой своей поэме, о которой еще не начался большой творческий разговор в нашей литературной среде, Александр Твардовский вновь и вновь утвердил и подтвердил свою волю и свое право идти в поэзии вровень с временем, не прибегая стих и образ до мелкострочия псевдоактуальности. Поэма «За далью — даль» для послевоенной действительности нашей страны такая же выразительная поэтическая веха, какой были для времен коллективизации «Страна Муравия», а для времени Великой Отечественной войны — «Василий Теркин».

Следя за эволюцией художественных образов этих трех произведений, мы видим, как рос и самоопределялся, как работал, боролся и самоутверждался в истории XX века наш современник, советский человек. Вначале он предстает перед нами в образе Никиты Моргунка, изжившего туман «муравской» иллюзии и причалившего к колхозному берегу новой жизни. В «Василии Теркине» герой поэмы, может быть, сын, а может быть, младший брат Моргунка, русский советский солдат Василий Теркин уже предстает перед читателем как окончательно сформировавшийся характер человека новой, советской действительности, как ее творец и беззаветный защитник. И, наконец, в «За далью — даль», где нет сквозного эпического героя, где в качестве героя, движущего развитие рассказа, выступает сама *действительность* во всей своей многособытийности и многогеройности, *где события и героев, как основа* — уток, объединяет лирический герой — автор, мы видим *нового* человека нового времени не только во всеоружии осознания силы и правоты своего исторического подвига, но и стремительной динамике развития всей жизни в будущее, в завтрашний день, когда, подобно освоению целинных, непочатых богатств Советского Востока, идет освоение еще неизведанных человечеством неисчерпаемых богатств нового общественного строя.

Всеми своими поэмами Твардовский твердо и непререкаемо утвердил свое право и способность идти вровень с временем, не боясь загляда в будущее.

ПОЧТИ все критики и исследователи творчества Твардовского сходятся на том, что начиная со «Страны Муравии» определилась полоса поэтической и духовной зрелости писателя, очертился круг его бесспорных поэтических достоинств.

Это верно и неверно. Действительно, Твардовский от поэмы к поэме, как бы ни разнообразны были их фабульные, сюжетные, жанровые особенности, продолжает быть таким же простым и ясным в своем органически народном языке и изобразительных средствах, как в своей первой поэме. Действительно, во всех своих поэмах и во многих лирических стихах Твардовский устойчиво и с успехом пользуется возможностями своего обширного знакомства с устной народной поэзией, с прекрасными примерами поэтического опыта предшественников, главным образом Некрасова и Пушкина. И во многих других отношениях творческие возможности Твардовского отстоялись и выкристаллизовались. Но если бы на самом деле процесс кристаллизации закончился, это обозначало бы **остановку** в развитии поэта.

Я внимательно слежу за эволюцией творчества Твардовского с тех пор, как мне в руки попала его юношеская поэма «Вступление». До того как в послевоенные годы начали публиковаться первые главы «За далью — даль», меня волновало и беспокоило известное добровольное замыкание большого и оригинального поэта в мире по преимуществу деревенских образов и героев, преобладание в инструментарии поэта арсенала деревенских народно-поэтических образов. Ожидалось и хотелось, чтобы Твардовский перешагнул эту грань и прорвался в мир неограниченных возможностей нашего времени, чтобы полноводная река крестьянской стихии слилась и растворилась в общенародном и многонациональном океане нового, социалистического общества.

И, если мне не изменяет чутье, этот радостный процесс произошел в ходе работы Твардовского над поэмой «За далью — даль». Есть в этой поэме знаменательная глава «Две кузницы». В ней, как в капле воды, отразилось стремление вырваться из милого сердцу, полного патриархальной деревенской прелести мира сельской кузницы в Загорье, описанного так бесподобно выразительно и трогательно, в большой мир великой кузницы новой жизни, в мир, олицетворенный гигантскими заводами индустриального Урала. Скажем прямо — в этой главе загорьевская кузница еще главенствует над уральской. Скажем больше — на протяжении всей поэмы слышатся отзвуки непрерывной борьбы, происходящей в сердце поэта, отзвуки непрерывных усилий подняться, встать над всем, что было раньше, не отрекаясь от самого себя, от своей природы и породы, найти новые краски и новые композиционно-сюжетные и жанровые возможности для выражения уже совершившегося факта нового виденья мира. Отзвуками этой упорной борьбы мне представляется и некий налет очерковой описательности, присущий отдельным главам, рисующим облик сегодняшней, строящейся Сибири, и некоторая композиционная хаотичность, и повторы, встречающиеся в поэме.

Но не в этих отзвуках и не в частных огрехах и описках суть дела. Главное в том, что поэма показывает радостный рост внутреннего мира поэта, гигантское расширение его исторического кругозора, жадное стремление увидеть действительность во всем ее сложном многообразии.

И не случайно, что именно в этой поэме, наряду с привычными интонациями, роднящими Твардовского с великим поэтом революционной крестьянской демократии Николаем Алексеевичем Некрасовым, все чаще и чаще, все отчетливее и отчетливее начинают улавливаться черты родства с отцом нашего поэтического первородства — с Александром Сергеевичем Пушкиным. И отнюдь не потому, что в построении поэмы угадывается сходство не с тональностью «Кому на Руси жить хорошо», как было в «Стране Муравии», а скорее с «Евгением Онегиным». В этом, так же как и в несомненно навеянной Пушкиным манере частых лирических отступлений, размышлений и рассуждений, запечатлены только частные, не решающие знаки близости к Пушкину. Настоящая же близость таится в широком взгляде автора на окружающий его мир, в углублении исторического чутья, чем силен был гений Пушкина.

Поэтому я не могу и не хочу соглашаться с теми, кто говорит и пишет о завершенности и очерченности творческого облика и творческих возможностей Твардовского.

Нет, нет и нет! «За далью — даль» показывает поэта в непрерывном движении, в смелом поиске, в дерзостном стремлении коснуться самых трудных и горячих тем своего времени. Это знаки неуспокоившейся молодости большого, ни в малой степени неисчерпанного поэтического таланта.

ВНЕЗАБЫВАЕМЫЕ двадцатые числа июня 1941 года я, в третий раз попрощавшись с родными, ехал из Внукова в Москву, за назначением на фронт.

Был яркий и знойный день. На широкой площади перед Киевским вокзалом стояли колонны наскоро обмундированных запасных, и плакали женщины, провожавшие сыновей, мужей и женихов на подвиг ратный.

От станции метро по направлению к вокзалу шли двое одетых в военное обмундирование молодых мужчин. Один — рослый, широкоплечий блондин, другой — жгучий брюнет, невысокий, плотный, с выбивающимися из-под фуражки непокорными кудрями. В высоком я узнал моего внуковского соседа Александра Твардовского. Его спутник был мой друг, поэт Джек Алтаузен, которого через год раздавил немецкий танк где-то на Харьковщине. Я хотел остановить их и попрощаться, но оба они быстро затерялись в толпе шумной привокзальной площади. В тот же день и Твардовский, и Алтаузен уехали на юго-западное направление фронта, уже грохотавшее громами танковых боев.

И до войны, и в годы войны я многократно встречался с Твардовским. Но эта встреча начальных дней навсегда запечатлелась в моей памяти. Высокий голубоглазый блондин, размашистой поступью идущий сквозь толпу будущих теркиных навстречу своей крылатой судьбе, навстречу трагической и победной судьбе своей великой Родины.

И вот сейчас Твардовскому исполнилось пятьдесят лет. На литературных юбилеях принято говорить, что пятьдесят лет это не старость, а золотая пора зрелости души и таланта. Устами бы этих юбилейных ораторов да мед пить! Зная на своем опыте всю условность этих юбилейных штампов и стандартов, честно иронизируя над ними, я все же должен сказать, что, как показывает первое тридцатипятилетие литературной работы Александра Твардовского, он и впрямь к своему пятидесятилетию пришел под знаком действительной зрелости своей души и под знаком молодой, неугомонной, пытливой дерзости своего большого и многогранного таланта.

И пусть ближайшие годы и десятилетия будут для него годами неугомонной, вечной «езды в незнаемое».

И пусть сбудется перед лицом всего, что ожидает наш народ на его победоносном пути к коммунизму, то, о чем писал поэт в одной из самых сильных и современных глав своей поэмы «За далью — даль»:

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоем.
За новым трудным перевалом —
Вздохнуть
С *тобою заодно*
И дальше в путь —
Большим иль малым,
Ах, самым малым —
Все равно:
Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути, и ведай
За далью — даль.
За далью — даль!

Родственник Теркина

Рисунок художника О. Верейского

Учительница подняла над головой раскрытую книгу и сказала:

— А это Чапаев, легендарный герой гражданской войны. Слышали о нем?

— Слышали, — дружно ответил класс. И вслед за тем раздался тоненький голосок:

— Только он не совсем похож...

— Как не совсем похож? — не поняла учительница.

— На Чапаева.

Пауза. Спокойный голос учительницы:

— Нет, Петя, ты не прав. Это фотография. И Чапаев здесь такой, каким был на самом деле.

— А я видел настоящего Чапаева...

— Ну, это ты уже выдумываешь.

— Нет, видел. Живого. Честное слово! В кино!

...Я вспомнил об этом эпизоде потому, что мы говорим сейчас о портрете Василия Теркина. Мы прекрасно понимаем маленького Петю. Ведь и всем нам по сей день кажется, что Чапаев Бабочкина — это «самый настоящий» Чапаев. И Петра Первого мы себе представляем только таким, каким увидели его в кино в исполнении Н. Симонова. И точно так же врезался в память портрет Василия Теркина, написанный много лет назад художником Орестом Верейским.

Вот он — на обложке книги. Пилотка набекрень, щинель, свернутая и переброшенная через плечо, винтовка, кисет, тот самый, который надо так беречь... Пока пальцы ловко сворачивают самокрутку, Теркин подымает вдруг голову, и тогда мы видим его улыбающееся лицо, простое милое лицо русского солдата, чуть приподнятые уголки губ и лукавые с хитринкой глаза. И становится ясно, что как раз сейчас он и начнет свой очередной веселый рассказ...

Их было много на фронте. И у нас в полку тоже был свой Вася Теркин, хотя звали его Витей Антиповым и родом он был не из-под Смоленска, а из какой-то приволжской деревушки. И казалось нам тогда, что и внешне он похож на того Теркина, о котором читали в фронтовой газете. А потом увидели портрет, нарисованный Верейским, и сразу поняли нет, только этот и есть настоящий Теркин...

Мы говорим об этом с львовским поэтом Василием Ивановичем Глотовым, сидя в его кабинете и рассматривая фотоснимки военных лет. На фотографии три офицера: майор Василий Иванович Глотов, в центре — подполковник, в котором я легко узнаю Александра Трифоновича Твардовского, справа — капитан Орест Георгиевич Верейский. И все трое, оказывается, имеют отношение к Василию Теркину.

— Нет, нет, я имею только самое далекое отношение, — торопливо говорит Василий Иванович, — самое отдаленное...

— Да, да, конечно, — соглашаюсь я, — но все-таки читателям нашей газеты, наверное, интересно узнать, что художник рисовал своего Теркина с натуры и что вы являетесь, так сказать, его прототипом.

Как известно, «Василий Теркин» родился на страницах фронтовой газеты «Красноармейская правда», где с начала войны работал А. Твардовский. Там же появились и первые иллюстрации к нему О. Верейского. Вот только написать портрет героя художнику долго не удавалось. Правда, было множество вариантов, но ни один из них не устраивал ни художника, ни поэта.

В армейской газете этого же фронта работал В. Глотов, часто бывавший в редакции «Красноармейской правды». Однажды Верейский предложил Глотову попозировать: «Пошлешь жене портрет с фронта».

Увидев этот рисунок у художника, Твардовский очень обрадовался: именно таким он представлял себе своего героя. Верейский снова попросил В. Глотова, чтобы тот позировал ему, но на этот раз уже в пилотке, с винтовкой и в той позе, которая теперь знакома миллионам читателей.

Недавно художник в письме к Василию Ивановичу сообщил, что готовит иллюстрации к собранию сочинений А. Твардовского.

«Многое из старых рисунков выбрасываю или переделываю, — пишет он, — а твой портрет остается».

На полке у Василия Ивановича несколько изданий «Василия Теркина», но дороже всего для него книжечка карманного формата, выпущенная в 1944 году в Смоленске. На титульном листе ее я прочел:

«Василию Глотову, близкому родственнику Василия Теркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне.

А. Твардовский.

1945 год. Замок Тиллинген, Восточная Пруссия».

«Близкий родственник» не забывает Василия Теркина и его фронтовых друзей. Героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны, мирные будни советских воинов — по-прежнему основная тема творчества поэта Василия Глотова.

К. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕНТАГОН НЕРВНИЧАЕТ

Карл МАРЗАНИ, американский писатель

ВОЛНУЮЩАЯ победа японского народа, заставившего правительство Киси отменить визит Эйзенхауэра в Японию, повергла реакционные круги Америки в глубокое уныние и обрадовала миролюбивые силы нашей страны. Некоторым американцам жаль Эйзенхауэра, как человека, но они ничуть не сердятся на японцев. Повсюду слышишь одно: «Что ж, разве можно их осуждать за то, что они *не хотят наших баз!*» Что же касается самого Эйзенхауэра, то смутные догадки о том, что он является чисто номинальным руководителем, теперь высказываются решительно и открыто.

Сочувствие к японскому народу глубоко и искренне. Но еще более важным, нежели это понимание настроений японцев, следует признать растущее сознание того, что катастрофа, постигшая американскую внешнюю политику, непосредственно связана с инцидентом с самолетом «У-2». Даже газеты вынуждены не без смущения с этим согласиться. «Нью-Йорк таймс» поместила статью весьма консервативного комментатора Артура Крока, который высказывается на этот счет с полной определенностью. Крок рассказывает о своем разговоре с высокопоставленным японским государственным деятелем, сторонником Киси. Этот японец заявил, что «в результате эпизода с самолетом «У-2» американо-японский договор неизбежно должен был явиться поводом для восстания, которое подвергло бы президента физической опасности в случае его визита в Японию». Он считает, указывает Крок, что «инцидент с «У-2» нанес сокрушительный удар по правительству Киси и его проамериканской политике...»

Последствия вызывающего поведения Пентагона в связи с инцидентом с «У-2» становятся ныне очевидными даже для наиболее реакционно настроенных американцев. И это только начало. Уже сейчас открыто высказывается опасение, что вся система американских баз в иностранных государствах может рухнуть и что японские события вызовут цепную реакцию в Турции, Исландии, Южной Корее и в конце концов в Западной Европе. «Уолл-стрит джорнэл» почти так дословно и пишет в пространной статье, озаглавленной «Распадающиеся союзы». Подзаголовок к этой статье гласит: «Волнения в Турции, Исландии». Газета цитирует некоего высокопоставленного чиновника Пентагона, который заявил: «Мы попросту не можем больше полагаться на все эти базы за границей».

Пытаясь найти хоть что-нибудь утешительное в этой мрачной картине, газета сообщает, что Эйзенхауэр оказывает нажим на Филиппины. Президент, указывается в статье, «довольно решительно говорил о совместных действиях в случае войны и о возможности того, что американские базы на Филиппинских островах будут снабжены ракетами с ядерными боеголовками». Это сообщение полностью разоблачает лицемерие тех, кто называл поездку Эйзенхауэра «миссией доброй воли».

«Уолл-стрит джорнэл» далее с полной откровенностью обсуждает дилемму, перед которой очутилась Америка: полагаться ли на таких людей, как Ли Сын Ман, — вплоть до использования американской морской пехоты ради поддержания существующих правительств, идя тем самым на риск вызвать в конце концов грандиозный взрыв, или же избавиться от лисынманов, мендересов и прочих, воспользовавшись этим как предохранительным клапаном. Однако второй курс поощрит сопротивление, и, как указывает вашингтонский обозреватель цитируемой газеты, «говорят, что это может привести к открытому неповиновению правительствам или даже к их свержению». С глубоким унынием «Уолл-стрит джорнэл» пишет: «Противоречивые заявления Вашингтона по поводу инцидента с «У-2», унижение, пережитое Америкой в связи с провалом совещания глав правительств в Париже, и нынешняя неудавшаяся поездка Эйзенхауэра в Японию, по мнению некоторых высокопоставленных государственных деятелей, создали у многих иностранцев впечатление, что Америка совершенно бессильна».

Но то, что вызывает отчаяние «Уолл-стрит джорнэл», только радует прогрессивных людей во всем мире.

НЬЮ-ЙОРК, 20 июня. (По телеграфу)

БАРАБАН ЗВУЧИТ УНЫЛО...

ПОЗАВЧЕРА Би-би-си передала по своим радиостанциям унылый барабанный бой нового «чемпиона», который долбил своими палочками несколько десятков часов без перерыва. Диктор в самом серьезном тоне комментировал сей грохот: он-де поднимает престиж Британии, возвеличивает ее.

Что это — шутка или глупость? Увы, это стало методом. Барабанный грохот — ныне единственная надежда пропаганды, отчаянно пытающейся «спасти престиж» Запада после катастрофы на Дальнем Востоке. Но—все дело портят комментарии. Вот один из последних образчиков такого рода:

«19 июня президент Эйзенхауэр приземлился в Южной Корее, где его ожидал дружественный прием со стороны населения страны, благодарной Америке за оказанную помощь... Это были самые внушительные торжества за всю шестисотлетнюю историю города... Это был момент триумфа для Эйзенхауэра перед концом его президентства...» (барабанный бой агентства Ассошиэйтед Пресс).

«Через полчаса после прибытия президента в посольство США его секретарь по вопросам печати Джеймс Хагерти заявил корреспондентам: «Прием был действительно грандиозным»... «Он (президент) надеется, что во время свалки (?!) на его пути никто серьезно не пострадал(!)»... Машине президента был нанесен некоторый ущерб — одно зеркало было совершенно разбито, а другое сильно погнуто (!)... Решение изменить заранее избранный путь, по которому должен был следовать президент, было принято по совету сеульской полиции и секретной службы» (комментарии агентства Рейтер).

Поистине сногсшибательная встреча!..

Барабанный бой западной пропаганды призван заглушить звуки уныния, вопли отчаяния. «Для американских военачальников в Пирл-Харборе и вокруг него это было мрачное утро», — сообщило агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл после аннулирования Японией визита Эйзенхауэра. «Никакая формула не сможет разъяснить бедствий, обрушившихся на позиции Соединенных Штатов во всем мире за последние месяцы», — грустит корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гамильтон. «Японскому коммунизму... — неистовствует итальянская «Куотидиано», — удалось поставить на колени правительство Токио». В связи с этим английская газета «Гардиан» дает добрый совет Киси: «Согласно самурайскому кодексу ему бы следовало совершить харакири». И так далее, и тому подобное. Не удивительно, что, по сообщению газетного треста Скриппс-Говарда из Вашингтона, «никогда еще со времени событий в Пирл-Харборе, 7 декабря 1941 года, в столице страны не наблюдалось такого глубокого уныния».

Казалось бы, позавчера появился повод для восторгов: Киси удалось протащить через парламент позорный военный договор с Америкой. Однако, если верить газете «Нью-Йорк таймс» от 19 июня, госдепартамент и министерство обороны США «без ликования приветствовали сегодня автоматическую ратификацию в Японии американо-японского договора безопасности». Почему это вдруг? Оказывается, ратификация еще не все. Во-первых, прежде чем договор сможет вступить в силу, необходимо осуществить некоторые формальные процедуры. Кто знает, сойдут ли они гладко в нынешних условиях? А во-вторых, — и это главное, — японский народ не намерен останавливаться на полпути.

Вот почему барабанный бой по радио звучит так уныло...

Солдаты американской морской пехоты разгоняют жителей острова Окинава, которые в день приезда Эйзенхауэра вышли протестовать против появления незваного гостя.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ—МОРЕ МИРА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Генрикас ЗИМАНАС

ПРОЗРАЧНАЯ зеленовата я волна Балтики, как бы ласкаясь, плещется о берег. Загорают на пляжах отдыхающие, ищут янтарь в приморском песке дети. Мир и спокойствие царят на Балтийском побережье.

Однако далеко не всегда было здесь так спокойно. Берега эти видели много войн, разрушений и крови. Через эти ворота не раз рвались в нашу страну враги, здесь скрещивались пути многих чужеземных захватчиков.

Вот и в дни Великой Отечественной войны здесь вторглись в нашу страну гитлеровские захватчики. Они начали с нападения на такой «опасный военный объект», как пионерский лагерь в Паланге, подвергнув его бомбардировке с воздуха, расстреливая детей из крупнокалиберных пулеметов...

Мир и спокойствие на берегах Балтики далеко не всех устраивают и сейчас. Кто же покушается на мирную жизнь прибалтийских народов? В былые времена опасность угрожала всегда главным образом с Запада. А ныне?

В редакцию газеты «Тиеса» прибыл недавно из Ростока подарок от немецкой газеты «Остзее-цейтунг», с которой наша газета поддерживает дружескую связь. На книге надпись: «В знак братской дружбы от товарищей из «Остзее-цейтунг». В этой книге опубликованы содержательный очерк Герхарда Штюбе и прекрасные снимки Ангелы Унзнер. Авторы рассказывают о прошлом семисотлетнего города Ростока, о новой его жизни.

Снимки Ангелы Унзнер выразительно показывают эту новую жизнь. Мужественные лица рыбаков и кораблестроителей. Рабочие и портовые грузчики. Портовая романтика наших дней, как удачно назвали авторы снимок, запечатлевший работу могучих кранов. Новые учреждения культуры и спорта, строящиеся школы и больницы — вот содержание этих снимков. И читатель сборника понимает—это характерно для всей Германской Демократической Республики, строящей социализм и не помышляющей о захвате чужих земель.

Но за этой новой Германией есть еще одна — Германия Аденауэра и Штрауса, Германия Шредера и Оберлендера. Страна, где военные преступники сидят на министерских постах, где бывшие гитлеровские судьи, осуждавшие на смерть людей, — среди судей в Западной Германии 85 проц. служили при Гитлере, — продолжают судить и ныне. Где все более цинично провозглашаются провокационные лозунги о возвращении всех земель, отторгнутых в свое время немецкими захватчиками и ныне возвращенных их исконным хозяевам — от Судет до Клайпеды.

Реваншистские страсти разжигаются в Западной Германии все сильнее. Здесь издается даже специальная газета «Дер фертрибене» («Изгнанник»). Она не продается открыто, ее невозможно выписать, ибо она распространяется только среди так называемых переселенцев. Можно представить себе тон этой газеты, если даже сами реваншисты не смеют открыто распространять ее!

Этот грязный листок разжигает вражду и шовинизм, открыто провозглашает реваншистские призывы. Вот на снимке группа молодежи рассматривает макет Судетов. А рядом их бывший учитель дает пояснения, он заверяет, что молодежь еще вернется в Судеты. Вот отчет о том, как в школе учителя рассказывают о Клайпеде, показывают снимки, отображающие красоты и живописность этого края...

И главным заправилой всей этой гнусной пропаганды выступает такой обиженный «изгнанник», как Теодор Оберлендер.

Оберлендер и компания требуют возвращения земель, но ведь на этих землях живут *люди*. А что думают они?

ЭРЧЮС ЮРГИНАЙТИС, как он говорит, разменял уже седьмой десяток. Но он подвижен, полон сил, это один из лучших бригадиров рыболовецкого совхоза в Русне. В прошлом году — в день 60-летия бригадира — Президиум Верховного Совета Литовской ССР наградил его Почетной грамотой. Он прекрасно знает Куршский залив, с ним хорошо поохотиться, порыбачить.

— Ну как, Эрчюс, поедешь к Аденауэру?

Эрчюс обиженно молчит. Стоя в лодке, он уверенно и сильно гонит ее по зарослям камыша. Ему такой вопрос не нравится. Как бывший немецкий подданный и солдат немецкой армии Юргинайтис имеет право переезда в Западную Германию. Но он не хочет ехать.

— Кое-кто поехал, — отвечает он после небольшой паузы. — Но им уже надоел там и мармелад, и маргарин. Соскучились по салу и маслу — здесь они имели этого вдоволь. Кое-кто просит прислать посылку, некоторые хотят вернуться, а кое-кто вернулся. Правда, отдельные люди устроились там, но хороших писем от них почти нет...

Эрчюс здесь родился, здесь жили его деды и прадеды. Он характерный пример местного коренного жителя.

Немцы начали хозяйничать здесь с XIII века, но литовский народ, с незапамятных времен населявший эти края, не поддался насильственному онемечиванию, не забыл родного языка, сохранил литовские названия рек, озер, селений.

После первой мировой войны Клайпедский край вошел в состав Литвы как автономная область. Однако во времена Гитлера вновь был отторгнут 22 марта 1939 года. Причем еще задолго до этого дня гитлеровцы немало натворили бед в Клайпедском крае. Их пятую колонну из-за попустительства фашистского правительства Литвы, действовавшую почти открыто, направлял тогда Оберлендер.

Оберлендер часто приезжал в Литву под видом ученого. Но даже буржуазной полиции, которая не отличалась особой бдительностью, казалась подозрительной его деятельность. Как это видно из архивных документов, литовское министерство внутренних дел установило в 1933 году наблюдение за деятельностью Оберлендера.

Что же он делал в Литве? Оказывается, выступал с докладами на сельскохозяйственные темы, стремился втереться в доверие к руководителям научных учреждений страны.

Но шила в мешке не утаить! Скоро выяснилось, что Оберлендер готовил путч, целью которого было отторжение Клайпеды и Клайпедского края от Литвы. Оберлендер вел переговоры с путчистами, инструктировал их.

Путч сорвался, но гитлеровцы наглели все больше. При попустительстве империалистов Запада, а также литовского фашистского правительства гитлеровцы захватили Клайпеду.

Почему гитлеровцы так рвались в Клайпеду, зачем понадобился им этот *единственный* порт Литвы?

Они вели психологическую подготовку дальнейших захватов, подготовку плацдарма для войны против Советского Союза. Вот почему смирились с этим актом агрессии тогдашние правители Англии, Франции, Америки — Гитлер, мол, рвется на Восток, не надо мешать ему. Вот почему смирились с этим и фашистские правители Литвы.

С ужасом вспоминает народ о днях гитлеровского владычества. В небольшом городке Прекуле на окраине посетителю показывают тяжелые железные кольца в ветвях дубов — здесь гитлеровцы вешали людей.

За короткий срок Клайпедский край был разграблен. Всех здоровых мужчин угнали на фронт...

— Тяжело было литовцу в Германии, — рассказывает Юргинайтис. — За человека не считали. «Жмудские свиньи» — вот как называли нас. А теперь мне снова к ним возвращаться? Нет уж...

После изгнания гитлеровцев Клайпеда и Клайпедский край представляли собой пустыню.

За годы Советской власти новое утро занялось над Балтикой. Были созданы все условия для того, чтобы насильно угнанные гитлеровскими войсками при желании могли вернуться домой. В Клайпеду приехали и новые люди — из других районов Литвы и из других республик Советского Союза. В братской семье строят они новую социалистическую Клайпеду.

СОВЕТСКУЮ КЛАЙПЕДУ трудно даже сравнивать с бывшей Клайпедой, а еще меньше — с немецким Мемелем. Вот только некоторые факты. 4 лучших рыболовецких траулера выловили за 1959 год по 10 тысяч центнеров рыбы, то есть столько же, сколько вылавливалось за целый год во времена буржуазной власти по всей Литве. Клайпедские рыбаки ловят рыбу в Балтике и в Северном море, в Северной Атлантике и у берегов Канады. В минувшем году они дали стране миллион центнеров рыбы. Клайпеда стала крупным промышленным и культурным городом, важнейшим портом, куда заходят суда многих стран мира.

И так же, как никогда не потечет обратно Неманас из Куршского залива, так нет возврата и к старой, захолустной Клайпеде, влачившей жалкое существование в составе Германской империи. И это относится не только к Клайпеде.

* * *

Чего же хотят реваншисты? Понимают ли они, что нет больше возврата к прошлому? Понимают ли, что мирные народы Прибалтики никогда не отдадут социалистических завоеваний, не пустят вновь на свою землю тех, кто столетиями угнетал их.

Но разве можно подходить с обычной меркой к таким людям, как палач и убийца Оберлендер, как его соратники: военные преступники Рейнефарт, Глобке и другие.

Реваншисты стремятся разжечь в немецком народе ненависть против стран социализма. Они пытаются помешать распространению идей мира и мирного сосуществования государств с различными социальными системами, сохранить «холодную войну». Это нужно им, чтобы легче было осуществлять свои грязные цели и в самой Западной Германии.

Народы Прибалтики не боятся угроз реваншистов. Конечно, это не значит, что не надо вести борьбы. Человек не боится бешеной собаки, но он принимает меры, чтобы она была обезврежена. «Вы знаете, — говорил Никита Сергеевич Хрущев в своей речи в Реймсе, — что сейчас в Западной Германии снова возрождаются реваншистские силы. Это нас не может не беспокоить».

Балтийское море должно быть и будет морем мира. Но для этого мы все должны усилить борьбу против реваншизма в Западной Германии, этого выражения агрессии немецкого империализма.

Коричневая накипь

ОДИН прекрасный майский день по дорогам, ведущим к небольшому гольштинскому городку Маленте, густым потоком неслись «опели», «мерседесы», «форды». В них восседали солидные, самодовольные господа, преимущественно среднего и пожилого возраста. У входа в здание, где был намечен сбор, их любезно встречали устроители готовящегося собрания и с почтительными улыбками провожали на место. Господа раздевались, осматривались. Рукопожатия, объятия, неизбежные «А помнишь?.. А знаешь?..». Встреча добрых старых друзей!..

Но картина перестала выглядеть умилительной, как только на трибуну взобрался *первый оратор*. Пора уточнить: в это курортное место съехались не врачи-бальнеологи или члены одного из многочисленных в Германии ферейнов на свое очередное заседание. В Маленте собрались люди, грудь которых усеяна фашистскими орденами, а совесть отягощена тысячами загубленных человеческих жизней, — ветераны войск СС. Это был своеобразный интернационал убийц, ибо, кроме 500 с лишком немецких эсэсовцев, здесь присутствовали 26 бывших голландских и четверо датских военнослужащих эсэсовских дивизий. К лацканам пиджаков собравшихся приколоты шелковые ленточки с изображением черного германского креста, завоевавшего жуткую известность во всех странах: его изображение было на башнях гитлеровских танков и фюзеляжах самолетов.

Одним из первых выступил председатель «союза ветеранов войск СС» земли Шлезвиг-Гольштейн Вилли Шефер. Под аплодисменты присутствовавших он заявил, что в скором времени в Федеративной Республике произойдет слияние различных объединений бывших военнослужащих в единый «германский солдатский союз». Сюда войдут «объединения ветеранов СС» (40 тысяч членов), союз «Кифхойзербунд» (100 тысяч членов) и 1030 (!) других объединений немецких солдат, имеющих в своих рядах семизначное число участников. «Лишь когда мы все объединимся, — в упоении вещал Шефер, — мы сможем, наконец, заставить умолкнуть дешевых крикунов». Надо отдать должное герру Шеферу — опыт в этом отношении у эсэсовцев предостаточный: они заставили умолкнуть не один миллион людей в душегубках Майданека и Освенцима, в застенках Моабита и Принц-Альбрехтштрассе.

Вилли Шефер и другие ораторы говорили о перспективах, о «планах на будущее», «анализировали» современность, «учитывали» уроки прошлого. «Дай бог, — заявил Шефер, — чтобы войска НАТО в час испытания зарекомендовали себя так же, как в свое время это сделали войска СС».

В майские дни нынешнего года, дни пятнадцатилетия капитуляции фашистской Германии, происходило немало подобных встреч бывших гитлеровских головорезов. 22 мая около тысячи западногерманских эсэсовцев съехалось в городок Итцехо, тоже в Шлезвиге. Слет начался «по-боевому»: 15 фашистов набросились на кинооператора студии ДЕФА. Эсэсовцы окружили оператора и его 18-летнего ассистента, и «сам» герр Шефер пытался вырвать у них киноаппарат, в то время как его молодчики стали душить репортера. Гитлеровцы избили ассистента так, что он остался лежать на земле. Подоспевшая полиция арестовала... избитых киноработников.

Ревом: «Хох!», «Хейль!» и бурными овациями был встречен собравшимися «любимец СС» бывший командир «Лейбштандарта Адольф Гитлер» генерал СС Зепп Дитрих, старый уголовник, которого в свое время сажали за решетку за соучастие в убийстве. Выступавших было много; всевозможные деятели и представители политических партий один за другим поднимались на помост и заверяли собравшихся в своих горячих чувствах к эсэсовцам. «Германская имперская партия гордится вами», — высокопарно заявил депутат Курцвег руководителям ХИАГ (сокращенное название «союза ветеранов СС») генералу Хауссеру и полковнику Руделю.

На сборище в Итцехо раздавались угрозы не только по адресу прогрессивных демократических деятелей и сторонников мира. Федеральный председатель «союза эсэсовцев» генерал Курт Мейер, по прозвищу «Панцермейер», то есть «танкист», обрушился даже на... западногерлинскую радиостанцию «Свободный Берлин» и мюнхенский еженедельник «Ревю». Они, видите ли, не всегда восторгаются боннскими реваншистами, а потому их корреспонденты «заслуживают такого же обращения, как и операторы ДЕФА». Попутно он оправдывал действия эсэсовских убийц во Франции, уничтоживших население города Орадура.

Фашистская накипь пузырится на западе Германии. «Слеты», «встречи», «вечера воспоминаний» проводятся часто, назойливо, *нагло*.

Никогда фашистские выкормыши не посмели бы поднять свой голос, если бы не чувствовали за своей спиной полной поддержки со стороны боннского государства и его руководителей.

Д. БЕНЕСЛАВСКИЙ

Нынешние организаторы фашистских оргий и погромов забыли, видно, уроки истории. Этот снимок, изображающий советского солдата перед поверженным в прах гитлеровским орлом во дворе имперской канцелярии в Берлине, может напомнить, чем кончались неоднократные попытки империалистических хищников организовать победное шествие на Восток: полным разгромом агрессоров.

Снимок из немецкого журнала «Нойе берлинер иллюстрирте».

Вместе с ФЛОТОМ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

обреченного корабля хотя бы предпоследним и уступить свое право тому же командиру дивизиона Колышкину, который был обеспечивающим в первом под командованием Видяева походе. Нет, капитан 3 ранга Видяев показал себя настоящим советским командиром: он покинул «Щ-421» позже всех, вместе с Колышкиным, но после него.

В дневнике у меня история с видяевской «щукой» записана на основании докладов трех командиров: самого Видяева, затем Колышкина и Котельникова, который вовремя подоспел на помощь товарищам.

...«Щ-421» подорвалась на мине в момент всплытия. Перед тем она удачно атаковала конвой противника, торпедировала и потопила вражеский транспорт. Умело уклоняясь от преследования охранных кораблей, Видяев взял направление в открытое море, чтобы там перезарядить торпедные аппараты и зарядить аккумуляторные батареи. Лодка шла на глубине шестидесяти метров и уже начала всплытие, когда под кормой раздался взрыв. Забортная вода стала быстро заполнять седьмой отсек.

В этот критический момент полное самообладание проявили командир и инженер-механик: они продули все цистерны и тем дали возможность лодке мгновенно всплыть. Весьма кстати пришелся снежный заряд, в котором очутилась всплывшая лодка: это на какое-то время избавляло ее от преследования и скрывало от огня противника.

Осмотр определил катастрофическое положение «Щ-421». Взрывом изуродовало корму, оторвало винты, деформировало и разорвало кормовую переборку. Хотя поступление забортной воды в седьмом отсеке удалось прекратить усилиями личного состава, но лодка оказалась без хода. Выбыла из строя и рация, поврежденная взрывом. Все-таки радист, старшина Рыбин, сумел передать единственную короткую радиограмму о происшедшем, составленную по всем правилам кодирования: «Подорвался на мине, хода не имею».

Район, где находилась лодка, был известен. Поэтому, получив шифровку, я тут же распорядился приготовить к выходу в море на помощь «щуке» два эскадренных миноносца и направить к ней с позиций другие лодки. В первую очередь—«К-22» под командованием капитана 2 ранга Котельникова, которая находилась ближе всех к месту аварии. Такое же приказание было передано еще двум «катюшам», а в адрес Видяева и Колышкина послан ответ: «К вам вышел Котельников».

Пока последний разыскивал «Щ-421», прошло немало времени: около суток! За это время лодка, конечно, переместилась. По инициативе комдива Колышкина были подняты оба перископа, заменившие в данном случае мачты, а вместо парусов использованы чехлы с дизелей. Ветер и течение (был отлив) сперва помогли маневру. Лодка стала уходить в море под этими импровизированными парусами, причем со скоростью 3,5—4 узла, как определил штурман. Таким ходом она шла три часа, и все уже радовались, уверенные, что уйдут за пределы видимости с берега. Увы, через три часа изменился ветер, прекратился отлив, и «Щ-421» опять поволокло к норвежскому берегу, занятому противником.

Учитывая сложность положения, командир дивизиона и командир «Щ-421» решили в случае необходимости взорвать корабль, если возникнет угроза захвата его фашистами. Решение было объявлено экипажу. Все приняли это, как должное. Подготовили корабль к взрыву, сделали по морскому обычаю приборку, навели чистоту, подготовили к действию все оружие, вплоть до ручного, чтобы дорого отдать свою жизнь, если придется схватиться с противником в неравном бою. В это же время состоялось открытое партийное собрание, на котором несколько беспартийных моряков были приняты в ряды партии. С того момента экипаж состоял из коммунистов.

Снова показался норвежский берег, на котором были расставлены вражеские посты. Только снежные заряды, часто проносившиеся над морем, мешали гитлеровским наблюдателям обнаружить аварийную лодку. Положение осложнялось, и все на борту «Щ-421» продолжали оставаться на боевых постах, готовые к действию, как только последует приказ командира. В том, что Котельников найдет их, они не сомневались, но дрейф мог опередить его. Ветер свежел, волнение моря усиливалось, берег приближался.

Котельников нашел «Щ-421» через сутки. Четыре попытки взять изуродованный взрывом корабль на буксир, предпринятые экипажами обеих лодок, не увенчались успехом: волнение моря уже было таким, что всякий раз лопались буксирные концы, заводимые на «щуку», и даже вырвало кнехты.

Все это происходило на виду у противника, возле вражеского берега.

После четвертой попытки, в минуты, когда над лодками появился фашистский самолет-разведчик, Котельников предложил экипажу «Щ-421» перейти на борт «К-22». Колышкин, Видяев и механик не согласились с этим предложением: они еще надеялись спасти корабль. Тогда Котельников доложил мне обстановку, и я поручил ему передать Колышкину и Видяеву мой приказ: «Личному составу «Щ-421» перейти на борт «К-22», аварийную лодку подорвать торпедой и затопить»...

Видяев расплакался, когда докладывал о последних минутах своего корабля. Его взволнованность передалась всем, кто присутствовал при докладах возвратившихся подводников, и я в этот момент больше, чем когда-либо, убедился, что передо мной и настоящий советский командир, и настоящий моряк. Хотя Видяев родом откуда-то из-под Курска, но еще подростком связал свою жизнь с морем, с Заполярьем. Это, безусловно, моряк по призванию.

Он последним покинул «Щ-421». Предпоследним ушел Колышкин.

Как только оба они оказались на борту «К-22», Котельников увел «катюшу» на положенную дистанцию и выстрелил в аварийную лодку торпедой. После этого, зафиксировав гибель «Щ-421», он направился в базу, преследуемый некоторое время вражескими самолетами, которые были наведены разведчиком.

Такова эта история, которой могут гордиться североморцы, хотя она и связана с гибелью корабля.

ПРИБЕГАТЬ к аллегориям — дело писателя, художника, но вообще-то — право каждого. Как наш апофеоз после трудных, тяжелых лет, проведенных в суровых, не сравнимых ни с чем другим условиях военного Заполярья, перед моими глазами на всю жизнь останется чеканный образ североморца, несущего вахту на гранитных, повитых туманом берегах-скалах, у подножья которых бушуют волны, и на борту обледенелого корабля среди штормовых просторов необъятного, в снежных зарядах и плавучих льдах, Студеного моря-океана. А подпись к этой величественной картине в глубине памяти неизменно звучит: «И твердо серые утесы выносят волн напор, над морем стоя...»

Да, североморцы выстояли. Символический знак, отмечающий линию государственной границы на побережье, оказался недосягаемым для противника.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-06-89, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-66. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—024145